

Учено-муж. прибалтийск. и др.
Мин. Вѣд. 20-го Сент. 1866 г. 1-го

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ПЛѢНА У ТУРКМЕНЦЕВЪ.

(Записки Генриха Гулибефа де-Бловвиля).

I. ПУТЕШЕСТВІЕ.

Отъ Тегерана до Мешедъ.—Башня Рей.—Кладбище огнелоклонниковъ.—Персидскіе погонщики лошаковъ.—Башня-деревня.—Наклоненная семнанская башня.—Шару.—Торговля съ Россіей.—Аббассабадъ: продекламированная легенда.—Маджиданъ.—Какимъ образомъ дѣлаются губернаторомъ?—Налоги.—Мнѣніе минарета.—Нимапуръ.—Двѣнадцать тысячъ черныльницъ.—Летающій тронъ.—Золотая дверь и алмазы.—Чинары, изъ которыхъ сочтена кровь.—Мешедъ.

Я пріѣхалъ въ Персію съ намѣреніемъ поступить тамъ на государственную службу, но оказалось, что тѣ должности по военному вѣдомству, на которыя я рассчитывалъ, были уже заняты. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, я приготовился выѣхать изъ Тегерана, когда, въ послѣднихъ числахъ марта 1860 г., е. в. Нассрединъ-Шахъ предложилъ мнѣ, чрезъ одного изъ своихъ адъютантовъ, отправиться въ экспедицію съ войсками, посланными въ туркестанскія владѣнія, расположенныя къ востоку отъ Хорассана. Цѣлю экспедиціи было подавленіе разбойничества и безпрестанныхъ набѣговъ туркменцевъ на персидскую территорию.

Принявъ это порученіе, я обязался представить его величеству свѣдѣнія, которыя будутъ собраны мною во время кампаніи, съ приложеніемъ картъ, видовъ и т. д. *)

По совѣту европейцевъ, давно поселившихся въ Персіи, я заключилъ контрактъ, записанный въ книгу въ канцеляріи французскаго посольства въ Тегеранѣ, постановлявшій, что если я

*) Эти документы не изданы до сихъ поръ.

буду захваченъ въ плѣнъ, то правительство должно внести за меня выкупныя деньги; эта статья контракта не предохранила меня, какъ увидать въ послѣдствіи, отъ продолжительнаго и жестокаго плѣна.

31 марта 1860 г. послѣдній изъ тѣхъ отрядовъ и контингентовъ различныхъ персидскихъ провинцій, которые должны были принять участіе въ экспедиціи, вышелъ изъ Тегерана въ Мешедъ. Этотъ отрядъ состоялъ изъ одного полка пѣхоты, одного эскадрона курдовъ, одного эскадрона бактіаріевъ, нѣсколькихъ кавалеристовъ Шахъ-Севендъ и одной артиллерійской бригады.

Четыре дня спустя, я отправился въ дорогу. Я ѣхалъ на лошади, а позади меня тащились пять лошаковъ, на которыхъ находились мои вещи и сидѣли погонщикъ и двое слугъ. Мнѣ дали три фирмана: одинъ къ главнокомандующему экспедиціей и генералъ-интенданту, другой къ монтевелли-баши (или смотрителю могилы имама Ризы, въ Мешедѣ), третій къ адъютанту е. в. шаха.

Я выѣхалъ черезъ шаб-абдулазимскую заставу и, оставивъ за собой Тегеранъ и его окрестности, уѣзжая на развалинахъ, печахъ для обжиганія извести и кирпичными заводами, направился къ хорассанской дорогѣ, которая вела по очень крутому утесу, къ отрогу Эльборуса.

У подошвы этихъ горъ я остановился, чтобы срисовать развалины Рея, груды стѣнъ, занимающія поверхность въ нѣсколько миль. Между этими развалинами возвышается могила могольскаго государя. Ее называютъ «Башня Рея».

Въ нѣкоторомъ разстояніи и немножко ближе къ горѣ видна другая башня, подобной же архитектуры, сооруженная, если судить по находящейся на ней надписи, въ первые вѣка гиджры; она построена изъ неотесанныхъ камней; на верхней части ея, состоящей изъ кирпича, находится слѣдующая надпись: «Во имя могущественнаго и милосердаго Господа, приказалъ построить эту башню Сафель-Сеидъ, сынъ Фареса; да проститъ Господь его, его отца и его мать».

Недалеко отъ дороги и рядомъ съ той горой, къ которой примыкалъ древній городъ Рей, расположено кладбище огнепоклонниковъ.

Это кладбище, имѣетъ форму большой башни, окружность которой простирается до 50—60 метровъ, а вышина до 5 метровъ. Внутренняя ея часть состоитъ изъ ящиковъ, выложенныхъ кирпичомъ; каждый изъ этихъ ящиковъ, на днѣ которыхъ находятся большіе камни, устроенъ такъ, что въ него легко можетъ помѣститься человѣкъ, одинъ изъ нихъ служитъ входомъ въ погребъ, гдѣ складываются трупы, которые предварительно оставляются на открытомъ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока на нихъ не останется никакого слѣда мяса. На покойника надѣваютъ панталоны, рубашку и нѣчто въ родѣ савана, который обхваты-

ваетъ ему голову, какъ тюбанъ, и покрываетъ плечи. Умершаго кладутъ въ одинъ изъ ящиковъ, съ сложенными накрестъ ногами и руками, головой, опирающейся на край могилы, лицомъ, обращеннымъ къ югу и закрытымъ такимъ образомъ, чтобы хищныя птицы могли выклевывать ему глаза. Послѣ похоронъ гвевры (огнепоклонники) спускаются съ башни посредствомъ веревки, прикрѣпленной къ верхней части стѣны. Тѣ, которые принесли покойника, остаются въ теченіе нѣсколькихъ дней какъ можно ближе къ кладбищу, на высокомъ мѣстѣ, и наблюдаютъ, который изъ глазъ будетъ сперва выклеванъ. Извѣстно, что у нихъ существуетъ суевѣрное преданіе, мало достойное древней религіи Зороастра и состоящее въ томъ, что они судятъ, смотря по тому, который изъ глазъ будетъ выклеванъ прежде, вознеслась ли душа или нѣтъ, въ лоно блаженныхъ *).

Вышина башни не защищаетъ тѣла отъ фанатическихъ поруганій: часто случается, что пастухи, или мусульмане, проходящіе мимо кладбища, бросаютъ камни на ящики, поднимаясь для этого на скатъ близлежащей горы.

Впрочемъ и кладбища христіанъ не предохранены въ Персіи отъ профанацій. Мусульмане выбираютъ кресты мишенью для стрѣльбы, ломаютъ и портятъ памятники. Отвратительно описывать другія, еще болѣе гнусныя профанаціи: тѣло г. Минутולי, прусскаго посланника, умершаго въ Ширазѣ, было вырыто изъ могилы и брошено на дорогу. Я сообщаю этотъ фактъ со словъ двухъ европейцевъ, которые видѣли все это своими собственными глазами. Мусульмане имѣютъ большое уваженіе только къ покойникамъ, своимъ единовѣрцамъ.

Съ вершины горы, взоръ обнимаетъ всю тегеранскую равнину, окоймленную колоссальными отрогами Эльборусскаго хребта, часто покрытаго снѣгомъ, даже лѣтомъ.

Первая станція находится въ деревнѣ Катинабадѣ, расположенной на разстояніи пяти фарзаковъ. **) По пріѣздѣ, туда я приказалъ раскинуть палатку; лошади и мулы были привязаны къ колу.

Не безъ нѣкотораго волненія, по-крайней-мѣрѣ не безъ чувства любопытства, вступалъ я въ кочевую жизнь.

4 апрѣля, мой маленькій караванъ съ разсвѣтомъ отправился въ путь. Дорога была пустынная, трудная; жара стояла невыносимая; но пейзажъ былъ на столько величественъ, что

*) Гвевры, исповѣдающіе религію Зороастра, считаютъ солнце самымъ величественнымъ образомъ Творца. Огонь служитъ для нихъ символомъ божества. Эта секта многочисленна въ Индіи. Въ Бомбаѣ, кладбище ихъ расположено на холмѣ, господствующемъ надъ берегомъ. Люди, одѣтые въ бѣлыя платья, несутъ гробъ, покрытый бѣлымъ саваномъ; тѣ, которые слѣдуютъ за ними, одѣты такъ же и идутъ парами; причемъ, каждая пара, связана между собою бѣлымъ платкомъ. Тѣло выставляется на открытомъ воздухѣ и когда коршуны, равно и какъ дѣйствіе солнца и атмосферы разрушать все мясо, скелетъ бросается въ колодезь.

**) Фарзакъ имѣетъ около 6000 метровъ.

взоръ не утомлялся. По лѣвой сторонѣ развѣтывался большой хребетъ Эльборуса, а по правой—маленькая гряда горъ, окоймляющихъ Соленую пустыню.

Около полудня я прибылъ въ деревню Иванекифъ, проѣхавъ шесть фарзаковъ.

5-го числа я выѣхалъ рано утромъ. Разумѣется, я очень часто смотрѣлъ на гору, черезъ которую мнѣ приходилось переѣзжать; вскорѣ я почувствовалъ въ глазахъ усталость, въ которой не могъ отдать себѣ отчета; мнѣ казалось, что я вижу искры, что случается съ нами, когда кровь сильно приливаетъ къ головѣ. Я объяснялъ этотъ припадокъ отраженіемъ лучей солнца бѣловатой землей, которая походитъ на поля, покрытыя снѣгомъ. Я пересталъ смотрѣть на горизонтъ; но, приблизившись къ склону хребта, я увидѣлъ горный хрусталь, пласты котораго были разбросаны повсюду, чѣмъ объяснилось испытанное мною неприятное чувство.

Слѣдуя по теченію минеральнаго ручейка, который сочится по всему ущелью и оставляетъ во многихъ мѣстахъ соляные пласты толщиною въ четыре сантиметра, я добрался до мѣстности, въ которой эхо, повторяется до четырехъ разъ, черезъ довольно продолжительные промежутки времени. Неподалеку отсюда находятся развалины укрѣпленія, или каравансерая, четырехугольной формы, имѣющаго по сторонамъ шесть башенъ и выстроеннаго изъ хорошо отесанныхъ камней. Этотъ родъ постройки рѣдко попадается; впрочемъ, я встрѣтилъ другой такой каравансерай, на которомъ находилась куфическая надпись.

Проѣхавъ черезъ часть ущелья, я вступилъ на пустынную и безводную равнину; потомъ я прибылъ въ деревню Кишлакъ, состоящую изъ ста домовъ.

Эти деревни также называются калехъ, т. е. замокъ или укрѣпленіе, потому что онѣ защищены стѣною и башнями.

6-го числа я прибылъ, черезъ равнины, покрытыя минеральными пластами и перерѣзанныя соляными источниками, въ деревню Дегинесекъ (деревня соли). Недостатокъ прѣсной воды и зной сильно насъ мучилъ; вьючныя животныя были изнурены; я рѣшился путешествовать ночью.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера, мнѣ съ большимъ трудомъ удалось разбудить моего погонщика и приказать ему накормить муловъ. Онъ заговорилъ—было, что оставить меня на дорогѣ, но я заставилъ его повиноваться. Если кто отправляется въ дорогу безъ чиновника, облеченнаго полномочіемъ устранять всѣ затрудненія въ путешествіи, тотъ подвергается большой опасности относительно услугъ этихъ людей. Они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пользуются особенными правами. Погонщикъ избавленъ отъ податей; его нельзя взять безъ всякаго повода въ солдаты. Конечно, необходимо, чтобы въ странѣ, подобно этой, лишенной сносныхъ путей сообщенія, были предоставлены какія-нибудь преимущества людямъ, посвятившимъ себя такому труд-

ному дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правительство можетъ брать ихъ въ солдаты; но тогда, оно обязано платить имъ жалованье, определенное тарифомъ, составленнымъ заранѣе.

Наконецъ, мы воспользовались наступившей, превосходною ночью, и освѣщаемке луной; разстояніе въ семь фарзаковъ показалось мнѣ прогулкой, сравнительно съ прежними переѣздами. Черезъ два часа послѣ восхода солнца, я находился уже въ виду станціи Ласкердъ, нижняя часть которой, была еще скрыта отъ меня неровностями дороги.

Ласкердъ — странная деревня. Вообразите себѣ огромную башню, имѣющую около 200 метровъ въ поперечникѣ и 20 метровъ въ вышину. Пробраться въ нее нужно черезъ ворота, вышиною не болѣе какъ въ ростъ человѣка, за которыми слѣдуетъ очень узкій сводчатый корридоръ, ведущій во внутреннюю часть башни, гдѣ лачуги, наставленные одну на другую безъ всякаго порядка, держатся на основаніи какихъ-то непостижимыхъ законовъ равновѣсія. Если ступить ногою на одну какую-нибудь террасу, то сотраसेніе сообщится всѣмъ остальнымъ домишкамъ, откуда идетъ страшная вонь.

На нѣкоторой высотѣ, жители вколотили въ стѣну бревна, при помощи которыхъ, они устроили себѣ балконъ или наружную галерею. Населеніе Ласкерда состоитъ изъ 120 семействъ, не считая тѣхъ, которые, не видя уже никакой возможности построить на башнѣ лачуги, принуждены жить въ землянкахъ, по сосѣдству.

Такъ-какъ на балконѣ нѣтъ перилъ, то когда зайдетъ солнце, дѣтей привязываютъ за ноги веревкой, которая предоставляетъ имъ свободу ходить по галереямъ; если ребенокъ свалится ночью внизъ, крики его будятъ родителей, которымъ стоитъ только потянуть къ себѣ веревку — и дѣтище ихъ спасено.

Деревня Ласкердъ, извѣстна также подъ именемъ Покъ-Калегъ, которое относится къ изображеніямъ, нарисованнымъ по сторонамъ башни, построенной изъ земли, почти совершенно бѣлой. Источникъ прѣсной воды орошаетъ деревню. Близъ входа въ башню, возвышается маленькое зданіе, служащее мѣстомъ для молитвы и составляющее рѣзкій контрастъ со всѣми остальными аксессуарами пейзажа.

Время основанія этой воздушной деревни неизвѣстно. Жители утверждаютъ, что она была построена дивами (геніями), которые населяли страну въ очень отдаленную эпоху. Несомнѣнно однако то, что жители хотѣли предохранить себя такимъ образомъ отъ нападений и хищничества разбойниковъ, которые часто опустошали эту территорію. Видъ этой большой бѣлой башни, рѣзко отдѣляющейся отъ окружающихъ ее полей и фруктовыхъ садовъ, а также отъ голубоватыхъ линий горъ, самый живописный. Мѣстность эта славится своими гранатовыми яблоками, которые отличаются тѣмъ, что бываютъ необыкновенно велики, сладки и безъ зернышекъ.

7 апрѣля.—Семнанъ, въ шести фарзакахъ, маленькій городъ, окруженный стѣнами и живописными видами. Онъ весь въ зелени и перерѣзанъ многочисленными ручейками, которые спускаются съ горы и орошаютъ его сады, улицы и т. д.

Главное его украшеніе составляетъ мечеть современной архитектуры, покрытая глазурью. Рядомъ съ нею стоитъ древній минаретъ, на самый верхъ котораго, ведутъ 90 ступенекъ, каждая въ 37 сантиметровъ; на платформѣ возвышается маленькая колонна. Вышина всего минарета простирается до 36 метровъ. Эта башня нѣсколько наклонена къ сѣверу и очень попорчена дождями и снѣгами. Она построена изъ кирпичей, которые расположены такимъ образомъ, что образуютъ съ внѣшней стороны различные узоры. Я снялъ ея надписи, взобравшись на сосѣднія террасы. Судя по докладу, представленному г. Рейно въ академію надписей и изящной словесности, о различныхъ надписяхъ, которыя я послалъ въ эту академію и въ числѣ которыхъ, находилась надпись семнанскаго минарета, этотъ монументъ построенъ въ десятомъ или одиннадцатомъ вѣкѣ нашей эры, по всей вѣроятности, Аль-Гассаномъ, сыномъ Магомета.

Населеніе Семнана, равно какъ и Ласкерда, говоритъ на нарѣчій, которое не имѣетъ никакого отношенія ни къ одному изъ языковъ сосѣднихъ мѣстностей. По этому поводу рассказываютъ, что шахъ персидскій, имѣя при своемъ дворѣ толмачей всѣхъ нарѣчій, пожелалъ имѣть челоуѣка, который бы могъ переводить съ языка, употребляемаго въ Семнанѣ. Съ этою цѣлью, онъ выбралъ изъ своихъ фаворитовъ самаго способнаго мирзу и послалъ его прожить нѣкоторое время въ этой мѣстности. Когда этотъ ученый возвратился и шахъ спросилъ его о сдѣланныхъ имъ успѣхахъ, то мирза выпнулъ изъ-подъ своего платья тыквенную бутылку, наполненную камешками, и сильно потрясъ ее въ воздухѣ, сказавъ, что этотъ странный шумъ былъ настоящимъ языкомъ, на которомъ говорятъ въ Семнанѣ, или по крайней мѣрѣ все, что онъ могъ понять изъ этого діалекта и рассказать о немъ.

9 апрѣля. По выѣздѣ изъ Семнана, нужно взбираться по длинному утесу, который тянется на разстояніи четырехъ миль и ведетъ въ ущелья; съ этой вышины городъ и деревни кажутся маленькими зелеными точками, разбросанными тамъ и сямъ по равнинѣ. Въ то время, когда, въ концѣ зимы, растительность нестритъ окрестности Семнана, въ сосѣднихъ агуанскихъ ущельяхъ земля покрыта снѣгомъ и льдомъ.

На станціи, находящейся на этихъ вершинахъ, никто не живетъ; тамъ мы видѣли одинъ каравансерай, одинъ чапардъ-хане (почта) и развалины, судя по которымъ, должно предполагать, что здѣсь былъ когда-то каравансерай; воды на этой станціи очень мало и притомъ, она соленая; лѣсу нѣтъ, слѣдовательно, ничего нельзя сварить. Я замѣтилъ одно изсохшее дерево возлѣ источника; я взялъ веревки, а также дорожный топоръ и, взлѣзши на дерево, подрубилъ нѣсколько толстыхъ вѣт-

вей, къ концамъ которыхъ, были привязаны мною веревки: мои товарищи тянули ихъ снизу. Такимъ образомъ, намъ удалось приготовить ужинъ. Сторожъ каравансерая снабдилъ насъ лишь небольшимъ количествомъ полыннхъ кореньевъ и дурнаго хлѣба.

10 апреля. — Проѣхавши шесть фарзаковъ по прескверной дорогѣ, я прибылъ въ Гонше, а оттуда, продолжалъ свой путь до деревни Довлетабадъ, которая находится въ трехъ фарзакахъ отъ Гонше.

11 апреля. — Такъ-какъ переѣздъ былъ лишь въ четыре фарзака, то я рано прибылъ въ Дамганъ, городъ, расположенный на холмѣ близъ ущелья Эльборуса, у подошвы котораго, течетъ маленькая рѣчка. За его стѣнами, очень поврежденными, отличающимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей толщиной, находится около полторы тысячи домовъ, построенныхъ, какъ почти всѣ дома въ Персін, изъ кирпичей, которые обжигаются на солнцѣ. Въ хорошее время года, деревья и зелень скрываютъ плохіе дома и придаютъ этому городу живописный видъ; зима показываеъ всю его бѣдность и тогда, онъ походитъ скорѣе на кладбище. На большомъ разстояніи вокругъ города, видны со всѣхъ сторонъ одни развалившіяся жилища, тамъ и самъ нѣкогда воздѣланныя поля и нѣсколько обломковъ стѣнъ. Прежде, на этомъ самомъ мѣстѣ, возвышался Гекатомпиль, близъ каспійскихъ ущелій: это была парѣянская столица.

Въ Дамганѣ сохранились еще два минарета: одинъ въ центрѣ города, другой на далекомъ разстояніи за городомъ. Они свидѣлствуютъ, равно какъ и другія развалины, что до завоеванія аравитянъ, городъ былъ обширенъ и процвѣталъ. Въ горахъ, къ сѣверу отъ Дамгана находится источникъ, называющійся Чешинъ-Али (источникъ Али). Жители утверждаютъ, что если въ этотъ источникъ упадетъ какая-нибудь нечистая вещь, то Али, разъяренный, насылаетъ на всю страну вѣтры и дожди, продолжающіеся не менѣе двухъ дней, иногда же по цѣлымъ недѣлямъ. Несомнѣнно, что городъ, расположенный противъ ущелья, очень подверженъ дѣйствію вѣтровъ. Горы, окружающія Дамганъ, покрыты фишашковыми деревьями, плоды которыхъ славятся своей величиной.

12 апреля. Путешествуя ночью и, по возможности быстро, я, рано утромъ, пріѣхалъ въ Денмолла, деревню, расположенную на хорошей мѣстности и окруженную садами. Тамъ я узналъ, что колонна войскъ, отправившаяся въ экспедицію и стоявшая въ Шару, должна была выйти оттуда можетъ быть послѣзавтра; я пробылъ на этой станціи лишь нѣсколько часовъ, время, необходимое для отдыха нашихъ вьючныхъ животныхъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, мнѣ оставалось сдѣлать до Шару лишь три фарзака.

По дорогѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ крестьянъ, которые спрашивали меня, должны ли проходить еще войска; послѣ моего

отвѣта, что послѣдняя колонна была та, къ которой я присоединюсь въ Шару, они радостно улыбались, бормоча про-себя какія-то благодарственные слова. Я хотѣлъ узнать отъ нихъ, почему они принимали такое довольное выраженіе лица, когда я имъ сообщилъ это извѣстіе. «Потому—отвѣчали они мнѣ,—что намъ, наконецъ, можно будетъ возвратиться въ наши жилища съ надеждою, что насъ не будутъ больше беспокоить». Почти всѣ жители маленькихъ деревень, расположенныхъ возлѣ дороги, старались скрыться въ горахъ вмѣстѣ съ своими стадами, чтобы не быть ограбленными фуражирами регулярной арміи. Тѣ, которые не приняли этой предосторожности, должны были лишиться по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ домашнихъ животныхъ, захваченныхъ въ полѣ кавалеристами, принадлежащими къ колоннѣ.

Ночь приближалась и, по моему расчету, я долженъ былъ вскорѣ увидѣть Шару, но я только лишь въ одиннадцать часовъ добрался до болотъ, въ которыхъ наши лошаки падали нѣсколько разъ и пріѣхали въ одинъ изъ каравансераевъ Шару въ полночь.

На другой день, я отправился къ начальнику колонны. Выступление изъ Шару назначено было на слѣдующій день.

Въ городѣ считается около двухъ тысячъ домовъ, да почти столько же находится въ его окрестностяхъ, посреди полей, садовъ и огородовъ.

Шару защищается съ сѣвера горой, у подошвы которой онъ расположенъ; къ югу и востоку простирается обширная равнина, невоздѣланная и каменистая; сосѣднія деревня, довольно населенная, придаютъ городу нѣкоторое внѣшнее величіе. Жить въ немъ лѣтомъ нѣтъ возможности, въ особенности, вслѣдствіе отраженія солнечныхъ лучей землею и горами, цвѣтъ которыхъ—бѣловатый.

Въ двухъ фарзакахъ, къ сѣверо-востоку, въ небольшой долинѣ, находятся развалины города Бастама; нѣкоторые изъ его памятниковъ, даютъ понятіе о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ въ древности; самый замѣчательный изъ памятниковъ это—минаретъ.

Шару ведетъ торговлю съ Россіей черезъ Астрабадъ, отъ котораго онъ находится въ недалекомъ разстояніи. Г. Почаковъ, русскій купецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ консульскій агентъ радушно предложилъ мнѣ свою квартиру во время моего пребыванія въ Шару и сообщилъ мнѣ нѣсколько вѣрныхъ свѣдѣній о торговыхъ сношеніяхъ обѣихъ странъ.

Россія ввозитъ желѣзо, чугуны, сталь, матеріи, фарфоръ, мелкій стеклянный товаръ и пр., и взаменъ этого покупаетъ почти весь хорассанскій хлопокъ, шерсть, шкуры и т. п.; хлопокъ такого же хорошаго качества какъ и тотъ, который привозится въ Россію изъ Хивы, Бухары и Кокана. Меня увѣрили, что въ Оренбургѣ, черезъ который проходятъ караваны, одного хлопка

ежегодно получается тридцать тысяч верблюжьихъ тюковъ, не считая другихъ товаровъ.

12 апреля.—Разстояніе отъ Шару до Міамей равняется двѣнадцати фарзакамъ и караванъ дѣлаетъ этотъ переходъ въ четырнадцать часовъ.

Въ четыре часа утра, я выѣхалъ изъ города, чтобъ присоединиться къ колоннѣ, которая уже выступила.

Начиная отъ этой станціи до Себсварда, путешествовать въ одиночку становится уже невозможнымъ; каждыя двѣ недѣли путешественники сопровождаютъ конвоемъ, состоящимъ изъ пѣхоты и кавалеріи при двухъ орудіяхъ, и обязаннымъ защищать ихъ отъ нападеніи туркменцевъ, живущихъ по сосѣдству съ Хорассаномъ. Эти хищники, пробираясь по многочисленнымъ ущельямъ Эльборуса, прячутся въ овраги, лежащіе близъ дороги и врасплохъ нападаютъ на такіе караваны, которые, по малочисленности своей, не могутъ отразить ихъ нападенія. Они убиваютъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются и забираютъ съ собою въ горы, гдѣ трудно ихъ настигнуть, все, что только можно унести.

Колонна состояла изъ одного полка пѣхоты, при шести орудіяхъ и иррегулярной кавалеріи, сформированной изъ отряда шахсевендовъ, жителей мѣстности, находящейся между Касбеюмъ и Гиланомъ. Эти люди, привыкли жить подъ палаткой и имѣютъ врожденную склонность къ грабежу и разбойничеству. Кавалеристы эти вооружены саблями, ружьями и пистолетами.

Курды персидскаго Курдистана, замѣчательные своимъ богатствомъ разнообразнымъ костюмомъ, средняго роста, коренастые и отличающиеся своимъ типомъ, имѣли пестрыхъ лошадей, которыя выдавались ими за чистокровныхъ арабскихъ скакуновъ; оружіе ихъ состояло изъ сабли, пистолета, пивы и щита. Это племя, хотя оно также привыкло дѣлать по временамъ набѣги на своихъ сосѣдей, болѣе миролюбиваго характера и не такъ сильно погрязло въ предрассудкахъ, какъ другія племена.

Бактіарисы ириазской провинціи, наполовину номады, подвластные Персіи только по имени, великолѣпно управляютъ своими лошадьми арабской породы и ловко владѣютъ ружьемъ, пистолетомъ, саблей и пикой, своими обыкновенными оружіями.

Мы прибыли въ Міамей довольно поздно, измученные жарой и жаждой. Такъ какъ лошади, на которомъ находились мои вещи, упали не вдалекѣ отъ Шару, то всѣ мои кушныки съ вождой разбѣлись. Я постарался обогнать колонну и около четырехъ часовъ вечера, прибылъ однимъ изъ первыхъ къ маленькому источнику, солоноватая вода котораго, была смѣшана съ грязью, потому что ѣхавшіе впереди насъ кавалеристы переходили черезъ источникъ на своихъ лошадяхъ: все-таки я считалъ себя счастливымъ, что имѣлъ возможность выпить нѣсколько глотковъ воды.

Міамей, какъ и всѣ деревни, находящіяся между Шару и Себ-

севардомъ, защищается высокими и толстыми стѣнами. Эти станціи освобождены отъ налоговъ. Жители, неимѣющіе возможности воздѣлывать землю, вслѣдствіе безплодности или той опасности, которой они подвергаются, удаляясь отъ городскихъ стѣнъ, получаютъ субсидію отъ правительства, отпускающаго имъ, сверхъ того, извѣстное количество хлѣба. Они смотрятъ, не безъ причины, на всѣхъ путешественниковъ какъ на непріятелей, потому что въ Персіи самый мелкотравчатый чиновникъ, пріѣзжающій къ старшинѣ деревни, безсовѣстно собираетъ съ нея контрибуцію при помощи провожающихъ его въ дорогѣ людей; онъ бьетъ и притѣсняетъ встрѣчнаго и поперечнаго до тѣхъ поръ, пока ему и его спутникамъ не будетъ доставлено все, что имъ нужно. Такимъ образомъ, жители деревень или, скорѣе, фортовъ, о которыхъ я говорю, лишь только завидятъ караваны или войска, тщательно запираютъ свои главные ворота и отправляются на лошади къ стѣнѣ; оттуда они спускаютъ на землю веревку и держатъ ее за конецъ; путешественникъ требуетъ все, что ему нужно, и условливается съ ними о цѣнѣ. Когда путешественникъ сторгуетъ, онъ привязываетъ къ веревкѣ или мѣшокъ, или сосудъ, въ который предварительно положена условленная сумма денегъ, и черезъ минуту послѣ того ему бросаютъ черезъ стѣну дерево, солому, и посредствомъ веревки, жизненные припасы, кислое молоко и т. п.

Близъ Міамеи, большой каравансерай и почтовая станція предоставляютъ, если не удобное помѣщеніе, то по крайней мѣрѣ убѣжище, въ которомъ можно отдохнуть, не опасаясь хищническихъ нападеній.

15 апрѣля.—Отъ Міамеи до Міандеша семь фарзаковъ.

На этой станціи два шахъ-севенда украли у меня лошака; я пустился бѣжать за ними и догналъ ихъ обоихъ; я свалилъ одного изъ нихъ на землю ударомъ кулака въ затылокъ и мой слуга овладѣлъ лошакомъ; но эта сцена, какъ она ни быстро совершилась, дала время другимъ шахъ-севендамъ собраться и снова отнять животное. Въ это время, я преслѣдовалъ второго вора, который возвратился въ свой лагерь; въ тотъ моментъ, когда я, взобравшись на утесъ, хотѣлъ схватить его, на меня напали человекъ шесть его товарищей; одинъ изъ нихъ сильно ударилъ меня палкой по плечу, но, несмотря на то, я отдѣлался отъ него; такъ какъ всѣ собрались вокругъ меня и моего слуги, то я вынулъ револьверъ и сказалъ напавшимъ на меня хищникамъ, чтобы они не приближались, потому что, въ противномъ случаѣ, я буду стрѣлять. Благодаря этой угрозѣ, кружокъ немного расширился; я отретировался къ каравансераю, и потомъ пошелъ жаловаться къ начальнику колонны, которому стоило большого труда заставить возвратить мнѣ лошака.

16 апрѣля.—(Шесть фарзаковъ). Деревня аббасабадская расположена въ безплодной и неживописной мѣстности, однообразіе

ландшафтовъ которой и желтоватый цвѣтъ земли, непріятно дѣйствуютъ на взоръ.

Начало этой станціи положено при Шахъ-Аббасѣ. Этотъ государь, не могъ найти въ окрестностяхъ никого, кто хотѣлъ бы жить въ этой мѣстности. Говорятъ, что онъ купилъ двѣсти грузинцевъ обоого пола и велѣлъ построить для нихъ эту деревню и этотъ каравансерай, гарантировавъ имъ, сверхъ того, извѣстное количество жизненныхъ припасовъ и ежегодную субсидію. Въ самомъ дѣлѣ, типъ жителей Аббасабада отличается отъ типа крестьянъ другихъ станцій. Во время моего проѣзда черезъ эту станцію, населеніе ея уменьшилось до 80 семействъ. Рѣдко проходятъ мѣсяцъ, чтобы туркменцы не похитили котораго-нибудь изъ этихъ бѣдныхъ людей; кромѣ того, такъ какъ мѣстность эта не совсѣмъ здоровая, то въ ней господствуетъ гораздо большая смертность, чѣмъ въ другихъ деревняхъ.

Я вошелъ въ одинъ изъ первыхъ домовъ, и когда замѣтилъ хозяину, что конюшня, похожая скорѣе на хлѣбную печь и притомъ чрезвычайно грязная, не годится для моей лошади, то онъ повелъ ее по террасамъ во второй этажъ дома; гдѣ животному пришлось постоянно смотрѣть, съ тревожнымъ удивленіемъ, изъ окошка.

Хозяинъ мой приказалъ принести мнѣ молока, хлѣба, масла, вступилъ со мною въ разговоръ, который показался мнѣ не безынтереснымъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Мы, мусульмане, правда, но наше отечество Грузія, слѣдовательно мы русскіе, а не персіане». Я понялъ, что онъ меня считалъ за русскаго и угрожалъ какъ русскаго; я не находилъ нужнымъ разубѣждать его въ этомъ, восхищенный, сверхъ того, его готовностью доставить мнѣ все, что я желалъ, даже такія вещи, которыхъ нельзя получить и за деньги на этихъ станціяхъ.

Черезъ часъ или два послѣ моего пріѣзда, ко мнѣ пришли человекъ двѣнадцать дѣтей; одинъ изъ нихъ, съ миловиднымъ и умнымъ личикомъ, выступилъ нѣсколько впередъ, держа въ рукѣ свертокъ бумаги, и, поклонившись мнѣ на восточный манеръ, продекламировалъ стихи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ прочія дѣти повторяли его слова. Это была легенда о происхожденіи жителей Аббасабада и о событіяхъ, которыя обрекли ихъ влачить свое существованіе въ мѣстности, столь мало благопріятствуемой природою.

Послѣ этой трогательной сцены, всѣ дѣти, лица которыхъ уже носили на себѣ слѣды болѣзненности, повторили хоромъ: «Не забудьте грузинскаго дитяти»; потомъ они раздѣлили между собою, но безъ жадности, нѣсколько данныхъ имъ мною монетъ.

17 апрѣля. Мацинантъ—(семь фарзаковъ), первая станція въ предѣлахъ Хорассана. Нынѣ это маленькая деревня, хотя она расположена въ равнинѣ, орошаемой рѣками и почва которой, по видимому, превосходна. Повсюду, на огромномъ разстояніи, попадаются на глаза покинутыя деревни, развалившіяся стѣны,

между которыми встрѣчается нѣсколько обломковъ памятниковъ мусульманской эпохи.

По словамъ жителей, древній городъ былъ расположенъ на разстояніи часа ходьбы отъ деревни; онъ былъ обширенъ и процвѣталъ въ то время, когда населеніе состояло изъ огнепоклонниковъ и даже послѣ завоеванія аравитянъ. Мнѣ сообщили, что въ окрѣсностяхъ находился памятникъ изъ кирпичей, принадлежащій эпохѣ огнепоклонниковъ и украшенный надписью, которую, однако, не было никакой возможности прочесть. Я скопировалъ буквы, довольно хорошо сохранившіяся на одномъ створѣ каравансераѣ, главной развалинѣ изъ всѣхъ находившихся въ окрестностяхъ Мадинаана. Развалины каравансерая свидѣтельствуютъ о его древнемъ величій и изяществѣ, съ которымъ онъ былъ построенъ. Этотъ памятникъ принадлежитъ, по мнѣнію г. Рейно, къ десятому или одиннадцатому столѣтію нашей эры. Въ Персіи, мало думаютъ о поправкѣ этихъ древнихъ памятниковъ. Иногда, когда они готовы совершенно обрушиться, изъ ихъ обломковъ строятъ на скорую руку какое-нибудь зданіе современной архитектуры.

18 апрѣля.—(Пять фарзаковъ) Меръ, очень маленькая деревня, расположенная посреди многочисленныхъ развалинъ, которыя можно бы принять за древнія, но которыя, какъ и большая часть развалинъ, встрѣчающихся во всей Персіи, суть остатки деревень, покинутыхъ жителями вслѣдствіе лихоимства губернаторовъ. Губернаторъ это—бичъ. Интенданты, управлявшіе во время оно французскими провинціями, далеко не такъ угнетали населеніе.

Лицо, которое по своему нынѣшнему или прошедшему положенію, можетъ изъяслять притязаніе на управленіе провинціей, на примѣръ членъ королевской фамиліи (а ихъ должно быть въ Персіи много, потому что одинъ Фетали-Шахъ оставилъ болѣе двухсотъ дѣтей), такое лицо узнаетъ, положимъ, что въ скоромъ времени будетъ свободно извѣстное мѣсто: оно начинаетъ съ того, что заискиваетъ у всѣхъ тѣхъ, которые могутъ доставить ему это мѣсто, т. е. говоря проще, дарить имъ опредѣленную сумму денегъ. Когда, такимъ образомъ, всѣ пути къ достиженію цѣли подготовлены, искатель мѣста подноситъ шаху подарокъ въ 10 или 20 тысячъ томановъ *) смотря по важности поста, который онъ хочетъ занять, и, благодаря этому явному подкупу, всѣ желанія такого искателя безпрекословно исполняются.

Обыкновенно подобный губернаторъ остается на своемъ посту не болѣе трехъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени, онъ ежегодно обязанъ представлять коронѣ подати, наложенныя на его округъ; сверхъ того, необходимо, чтобы онъ вернулъ всѣ издержки, понесенныя имъ для полученія мѣста; наконецъ, онъ долженъ скопить такую сумму денегъ, чтобы имѣть возможность жить со-

*) То манъ=12 рубль.

образно съ своимъ саномъ и положеніемъ въ тотъ промежутокъ времени, когда онъ будетъ находиться въ отставкѣ, т. е. по-крайней-мѣрѣ пять или шесть лѣтъ. Множество чиновниковъ, которымъ поручено собирать для него контрибуціи, также хотятъ нажиться на счетъ жителей, платящихъ подати. Взимаемый такимъ образомъ налогъ столь обременителенъ, что крестьянинъ часто покидаетъ свои воздѣланные поля, беретъ свой скотъ, если онъ еще не ограбленъ у него и нѣкоторые изъ своихъ пожитковъ, и бѣжитъ съ своимъ семействомъ въ горы.

Такимъ образомъ цѣлыя деревни стоятъ въ запустѣніи и прилегающія къ нимъ поля, остаются невспаханными. Впослѣдствіи, эти же самые крестьяне, или другіе, строятъ нѣсколько домовъ близъ покинутыхъ деревень, остерегаясь, однако, заводить тамъ плантаціи; этимъ-то и объясняется та нищета, которую встрѣчаютъ повсюду въ Персіи.

19 апрѣля.—(До Себсеварда девять фарзаковъ.) Мѣстность эта почти совершенно ровная, дорога хорошая и прямая; въ теченіе почти всего перехода, путь лежитъ по направленію къ огромному минарету, который расположенъ въ двухъ фарзакахъ отъ Себсеварда и называется Кусругердъ, равно какъ прилегающая къ нему деревня. Этотъ монументъ стоитъ одиноко посреди полей; фундаментъ его находится надъ поверхностью равнины и, вслѣдствіе системы орошенія, которая всегда смываетъ часть земли, поврежденъ. Много могилъ, выложенныхъ тѣмъ же камнемъ, какъ и фундаментъ минарета, также находятся на поверхности земли, которая прежде покрывала ихъ на нѣсколько футовъ. Внѣшняя часть минарета вполне сохранилась. Я хотѣлъ взойти по ступенькамъ и измѣрить вышину зданія, но не могъ исполнить этого намѣренія, такъ какъ лѣстница была очень ветха. Надпись была сдѣлана слишкомъ высоко, такъ что я не имѣлъ возможности скопировать ее.

Около этого монумента возвышается могила сеида Измаила, брата имама Реца, пользующаяся большимъ уваженіемъ. Набожные люди, приказываютъ хоронить себя возлѣ этой могилы.

Разсказываютъ, что возлѣ самой могилы стоялъ очень маленький минаретъ. Жители сосѣдней деревни, называющейся Шуредельбардъ, завидуя, что въ Кусругердѣ находятся два минарета, рѣшились похитить одинъ изъ нихъ. Однажды, они собрались всѣ вмѣстѣ, взяли съ собою какъ можно больше лошадей, быковъ, ословъ и веревокъ, и стали тащить маленький минаретъ. Часть этого минарета была уже развалившись и потому немного нужно было усилій, чтобы разрушить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того, какъ многочисленная толпа людей начала, при помощи животныхъ, свою сумасбродную работу, минаретъ обрушился и въ своемъ паденіи, убилъ многихъ изъ числа тѣхъ, которые вздумали сдѣлать его своею собственностью. Увѣряютъ, что въ воспоминаніе этого несчастья, жители

Шуре-Дельбарда избѣгаютъ даже нынѣ проходить близъ минарета, который стоитъ на прежнемъ мѣстѣ.

Другая легенда повѣствуетъ, что Шахъ-Аббасъ, путешествуя по этой мѣстности и остановившись около полудня въ Мерѣ, рѣшился продолжать свой путь, убѣжденный, что ему остается проѣхать небольшое разстояніе, такъ какъ онъ замѣтилъ вершину кусругердскаго минарета; но какъ онъ ни ѣхалъ быстро, все-таки ночь застигла его еще очень далеко отъ минарета. Когда, на слѣдующій день, Шахъ-Аббасъ прибылъ въ Кусругердъ, онъ велѣлъ сломать платформу и верхнюю часть минарета, желая такимъ образомъ наказать этотъ памятникъ за то, что онъ обманулъ его относительно протяженія дороги.

Если проѣхать Кусругердъ, то стѣны города Себсаварда, выстроенныя изъ почти совершенно бѣлой земли, рѣзко отдѣляются на темномъ фонѣ окрѣстностей. Окрѣстные поля хорошо воздѣланы. Двѣ тысячи домовъ города гораздо хуже содержатся, чѣмъ окружающія ихъ стѣны. Цитадель, стоящая на самой возвышенной мѣстности, находится въ плачевномъ состояніи.

По срединѣ Кусругерда, возвышается минареть на половину скрытый. Персіяне, чрезвычайно ревнивые, не любятъ этихъ памятниковъ, съ высоты которыхъ муллы, возвѣщая о наступленіи часа молитвы, могутъ бросать нескромный взоръ на сосѣдніе гаремы.

Себсавардскій округъ славится приготовляемымъ тамъ хорошимъ виномъ и вообще, въ немъ развито земледѣліе; самый городъ былъ разрушенъ въ 1380 г. Тамерланомъ, который приказалъ заживо закопать часть его населенія.

21 апрѣля.—Въ шести фарзакахъ Цафренъ, небольшая деревня. Въ 1860 году, здѣсь стоялъ еще древній каравансерай, замѣчательной архитектуры; недавно его срыли и выстроили другой. Передъ главнымъ ходомъ были развалины бани и базара.

23 апрѣля.—Шуръ-абъ (соленая вода), деревня, расположенная посреди горъ; она имѣетъ очень грустный видъ и находится въ нездоровой мѣстности; многіе европейцы заболѣвали въ этой деревнѣ и, въ концѣ 1860 года, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ г. Коласъ, чиновникъ персидскаго правительства, ѣхавъ въ Мешедъ, умеръ здѣсь отъ тифа. На его могилу положена бѣлая мраморная плита, на которой вырѣзана надпись. Всякій европеецъ, проѣзжающій по этой дорогѣ, даритъ нѣсколько монетъ тѣмъ, которые защищаютъ эту могилу отъ профанаций.

24 апрѣля.—Нишануръ, городъ, расположенный посреди плодородной равнины, окруженной горами.

По словамъ многихъ авторовъ, этотъ городъ былъ основанъ Темурасомъ, разрушенъ Александромъ Македонскимъ и снова построенъ Сапоромъ I, который назвалъ его своимъ именемъ. Въ 548 г. гиджры, татары разрушили его до такой степени, что

часть жителей, бѣжавшая въ горы, не могла, по уходѣ хищниковъ, найти слѣда своихъ жилищъ.

Нѣкоторые авторы думаютъ также, что здѣсь находилась Ниша, положеніе которой трудно опредѣлить въ точности вслѣдствіе большаго числа еще неизслѣдованныхъ развалинъ, лежащихъ на границѣ Хорассана и обѣ имени и происхожденія которыхъ ничего не извѣстно. Хотя знаютъ, что Нишапуръ былъ перестроенъ Сапоромъ, но находятся въ полномъ невѣдѣніи относительно имени, которымъ онъ назвался до этого возобновленія.

Нынѣшній городъ, возникшій, по словамъ жителей, не болѣе 350 лѣтъ назадъ, имѣетъ 3000 домовъ, окруженныхъ надежной стѣной.

Благодаря множеству деревень, нишапурская равнина самая веселая и самая красивая во всемъ Хорассанѣ. Старый городъ, состоящій изъ груды развалинъ, покрывающихъ огромное пространство, расположенъ въ двухъ миляхъ къ юго-востоку отъ новаго города.

Увѣряютъ, что около первыхъ столѣтій гиджры, т. е. когда городъ Нишапуръ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, его территорию орошали двѣнадцать тысячъ источниковъ и каналовъ.

Вотъ анекдотъ, имѣющій цѣлью доказать, что въ эту эпоху, искусства и словесныя науки пользовались тамъ большимъ почетомъ.

Въ одномъ только городѣ считалось двѣнадцать тысячъ мечетей и школъ. Однажды имамъ Реца, проходя въ предмѣстьѣ города и желая написать нѣсколько словъ, спросилъ не можетъ ли дать ему кто нибудь чернильницу. Всякій хотѣлъ предложить ему свою чернильницу; люди, стоявшіе въ послѣднихъ рядахъ, бросали ихъ черезъ головы тѣхъ, которые были ближе къ имаму, и въ одно мгновеніе образовалась груда въ пять или шесть тысячъ чернильницъ. Я сообщаю цифру минимума: многіе люди, гордящіеся знаніемъ исторіи своей страны, увѣряли меня, что число этихъ чернильницъ, брошенныхъ къ стопамъ имама Рецы, простиралось до двѣнадцати тысячъ; впрочемъ, эта цифра принята во всѣхъ нишапурскихъ преданіяхъ.

Другой, довольно странный анекдотъ, повѣствуетъ о Каи-Каусѣ, второмъ шахѣ изъ династіи Каіаникусовъ.

Этотъ повелитель, сдѣлавъ Нишапуръ своею столицею и украсивъ его разнаго рода памятниками и дворцами, захотѣлъ, чтобы его подданные почитали его какъ Бога. Чтобы показать свою божественность, онъ приказалъ сдѣлать воздушный тронъ. Это было очень легкое сдѣлаище, въ которое запрягли множество орловъ.

Сѣвши на этотъ тронъ Каи-Каусъ взялъ копьѣ, на концѣ котораго висѣлъ кусокъ говядины; голодные орлы постоянно летѣли къ этой приманкѣ и такимъ образомъ уносили въ воздухъ тронъ, на которомъ сидѣлъ шахъ; затѣмъ Каи-Каусу стоило

только опустить свое копьё и онъ, къ ужасу своихъ подданныхъ, слеталъ на землю.

Говорятъ еще, что въ окрестностяхъ Нинапура, у этого повелителя былъ загородный дворецъ такой красивый и такой очаровательный, что его сравнивали съ раемъ. Богъ, возмѣнивъ ревность къ этому дворцу, послалъ ангела Гавріила съ тѣмъ, чтобы тотъ никого не впускалъ въ него. Съ этою цѣлью, ангелъ явился однажды къ Каи-Каусу и показалъ ему массивную дверь, покрытую драгоценными камнями, жемчугомъ и золотомъ. Шахъ захотѣлъ имѣть эту дверь во что бы ни стало; но ангелъ отвѣчалъ, что онъ подаритъ ее шаху лишь съ тѣмъ условіемъ, если послѣдній позволитъ ему пользоваться своимъ загороднымъ садомъ. Каи-Каусъ сказалъ тогда Гавріилу, что онъ можетъ придѣлать свою дверь ко входу въ это блаженное мѣсто. Но съ тѣхъ поръ ни шахъ, никакой другой человѣкъ не могъ попасть въ садъ.

Горы, служащія продолженіемъ эльборусской цѣпи, содержатъ въ себѣ желѣзную и мѣдную руду, пласты соли, немного краснаго яхонта, олово и въ особенности славятся рудниками бирюзы (фируце). Почти всѣ эти рудники не разрабатываются, да и кто хотѣлъ бы заняться этимъ дѣломъ, тотъ не можетъ разсчитывать даже на свою личную безопасность.

25 апрѣля.—Кадамгахъ (или Кадемганъ), въ шести фарзакахъ; деревня эта, заключающая въ себѣ двѣсти семействъ, расположена на холмѣ и возлѣ самыхъ горъ; она населена мнимыми потомками пророка.

У подошвы холма возвышается маленькая осмиугольная мечеть, покрытая куполомъ.

Налѣво, при входѣ въ нее, въ стѣнѣ вдѣланъ камень, на которомъ грубо высѣчены два большіе слѣда ногъ. Камень блестящій и жирный и каждый мусульманинъ, приходящій молиться въ Кадамгахъ, третъ о него свою голову и лицо въ честь имама Рефы.

Эту мечеть, которая, какъ говорятъ, была построена шахомъ Сулейманомъ, окружаетъ садъ, въ которомъ насажены прекрасныя деревья. Посреди сада пробѣгаетъ ручей, доставляющій отличную воду и идущій въ большую сосновую рощу. При входѣ въ ограду, возвышаются два великолѣпные чинара, которые никогда не обрѣзались, вопреки жестокому обычаю, существующему въ Персіи—оставлять лишь нѣсколько вѣтвей на вершинѣ этихъ деревьевъ. Давно я уже не видалъ такихъ красивыхъ деревьевъ и не могъ объяснить, какимъ образомъ они были пощажены путешественниками и караванами. Мнѣ разсказывали, что если ударить палкой одно изъ этихъ растений, то изъ него пойдетъ кровь и что человѣкъ, который, по несчастью, срѣжетъ съ него вѣтвь, если не сейчасъ умретъ, то навѣрно не переживетъ года.

Веселыя окрестности, сады, поля дѣлають Кадамгахъ (слѣдъ шага) великолѣпнымъ мѣстомъ.

Я провелъ въ немъ два дня, снимая виды и дѣлая замѣтки. Къ несчастію, я долженъ былъ лишиться почти всѣхъ плодовъ своего продолжительнаго и труднаго путешествія.

28 апрѣля.—Шерифъ-Абадъ, восемь фарзаковъ; деревня въ сорокъ домовъ, расположенная на горѣ и близъ гератской дороги.

29 апрѣля.—Мешедъ, шесть фарзаковъ. Ночью я отправился изъ Шерифъ-Абада, и ѣхалъ по очень неровной дорогѣ, которая должна была привести меня къ Хоре Селаму (гора спасенія) до восхода солнца.

Съ вершины этой горы открывается Мешедъ и его окрестности. Священный городъ являлся мнѣ окутанный густымъ туманомъ, изъ середины котораго, возвышается куполъ и позолоченныя минареты могилы имама Рецы и мечети, покрытыя глазурью, отражавшею солнечные лучи.

ВОЙНА.

Выступленіе экспедиціи.—Отъ Мешеда до Кутшакума.—Реврутскій наборъ въ Персіи.—Странное средство противъ ревматизма.—Первая встрѣча съ непріятелемъ. — Кутшакумъ. — Жажда — Марвъ. — Безпечность начальниковъ.—Неудачныя вылазки.—Голодь и тифусъ.—Пораженіе.

По приѣздѣ въ Мешедъ, я представилъ свой фирманъ князю Гамзе-Мирзѣ, главнокомандующему дѣйствующей арміей. Онъ принялъ меня очень хорошо и приказалъ отвести мнѣ квартиру въ цитадели. Такъ-какъ экспедиція вскорѣ должна была выступить, то я просилъ его, на основаніи контракта, заключеннаго мною съ правительствомъ, снабдить меня лошадьми, необходимыми для дальнѣйшаго путешествія.

По капризу ли, или по неясности выраженій фирмана, но онъ не хотѣлъ снабдить меня этими мулами иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, что я буду кормить ихъ на свой счетъ.

Такъ-какъ я получилъ слѣдующій мнѣ провіантъ, состоящій изъ хлѣба, ячменя, риса, сухихъ плодовъ и проч., на три мѣсяца, то мнѣ необходимо было имѣть девять муловъ, кормъ которыхъ обходился довольно дорого. Хотя для меня это было и непріятно, но я не могъ не исполнить даннаго мнѣ порученія изъ-за такой, повидимому, пустой причины; и такъ, я употребилъ нѣсколько дней, которые мнѣ еще оставались, на приготовленіе къ дорогѣ и въ особенности, на приведеніе въ порядокъ своихъ фотографическихъ аппаратовъ.

19 мая 1860 г., войска выступили по направленію къ Калиагхути, мѣстности, орошаемой источниками и богатой растительностью. Калиагхути расположенъ въ трехъ миляхъ отъ Мешеда, на дорогѣ, ведущей въ ардербендскую долину.

Армія, находящаяся подъ начальствомъ Гамзе-Мирзы, человека храбраго и прямодушнаго, но неспособнаго руководить экспедиціей, была раздѣлена на два корпуса. Къ главнокомандующему былъ прикомандированъ визирь Говамъ-Довлетъ въ

качествѣ интенданта и искуснаго администратора. Дѣйствительно, это былъ слишкомъ уже искусный администраторъ, потому что, изъ всего контингента кавалеріи, выставить который долженъ былъ Хорассанъ, явилось только пятьсотъ всадниковъ, изъ коихъ большая часть прибыла на сборный пунктъ только потому, что они не могли дать Довлету взятки, предоставлявшей имъ право оставаться среди своихъ семействъ. Я не считаю хекареговъ и темуріевъ туркменскаго племени, поселившихся съ недавняго времени въ Хорассанъ и выставляющихъ свой контингентъ.

Нѣсколько словъ объ устройствѣ арміи не будутъ можетъ быть бесполезны.

Генераль или полковникъ (чины покупаются, какъ и мѣста) набираютъ рекрутъ слѣдующимъ образомъ:

Въ каждой мѣстности прежде всего обращаются къ людямъ богатымъ, которые, не желая поступить въ солдаты, дѣлаютъ подарки, или даютъ деньги, и такимъ образомъ избавляются отъ военной службы. Потомъ вербовщики переходятъ къ менѣе достаточному классу, который также даетъ взятки, чтобъ освободиться отъ рекрутчины, или ставятъ вмѣсто себя охотниковъ, все равно какого возраста.

Наконецъ, добираются до бѣднаго класса, изъ среды котораго берутъ, добровольно или силою, все, что только можно взять. Такимъ образомъ въ персидской арміи, зачастую, попадаютъ въ одномъ и томъ же ряду дѣти отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, между стариками отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ.

Прибавимъ, что правительство выдаетъ жалованье, слѣдующее служащимъ въ полку, на руки начальникамъ корпусовъ, такъ что послѣдніе, увольняютъ многихъ въ отпускъ съ цѣлью воспользоваться ихъ содержаніемъ. Эта продѣлка называется монда-хель (прибыль или барышъ), и такъ-какъ она введена въ употребленіе съ незапамятныхъ временъ во всѣхъ отрасляхъ персидской администраціи, то контрольное вѣдомство не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эта армія, численный составъ которой, долженъ былъ доходить до тридцати тысячъ, въ дѣйствительности простиралась, при своемъ выступленіи въ походъ, отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ человекъ. Кромѣ того, изъ этой цифры нужно вычесть еще многочисленный персоналъ, находящійся при каждомъ начальникѣ въ качествѣ деньщиковъ, вожаковъ верблюдовъ и проч.

Полкъ, который долженъ былъ состоять изъ тысячи человекъ, имѣлъ подъ ружьемъ не болѣе четырехъ или пятисотъ солдатъ.

Первая колонна, съ которою я отправился, состоявшая подъ начальствомъ князя Джосу-Мирзы, выступила изъ Калиагхути по направленію къ ардербендской долины, населенной прежде

племенемъ темуріевъ, туркменской расы, часть котораго, занимала также сарракскую территорію. Нынѣ, они подвластны Персіи, такъ какъ союзъ темуріевъ съ этимъ государствомъ довелъ ихъ до того, что они обязаны были удалиться въ центръ Хорассана.

Польшаи, или рѣка Ту, беретъ свое начало въ горахъ, въ окрестностяхъ Мешеда и проходитъ черезъ развалины древняго города, по имени котораго она и называется. Далѣе, Польшаи превращается въ мелкій ручеекъ и стремится къ ардербендской долины, гдѣ къ ней присоединяются нѣсколько минеральныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего, вода ея получаетъ отвратительный вкусъ; наконецъ Ту идетъ по направленію къ востоку и изливается въ Тедженъ или Гератскую рѣку.

На этой рѣкѣ расположена деревня Карабагхра, окруженная толстыми стѣнами, защищающими ее отъ нападеній туркменцевъ; немного подальше стоитъ еще одна деревня съ такими же стѣнами, которыя лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, были разрушены шайкой туркменскихъ мародеровъ, похитившихъ ея жителей.

Затѣмъ, мы встрѣтили на нашемъ пути: Чаргомбецъ (четыре купола), развалина близъ источника; Муздеранъ, фортъ, возвышающійся на горѣ и видимый съ береговъ рѣки Ту; онъ защищаетъ горный проходъ отъ туркменцевъ (эта дорога ведетъ также въ Сарраксъ и она гораздо короче, чѣмъ дорога, идущая черезъ Нурузабадъ); Ардербендъ (дверь), охраняющій вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу, ущелье горы и переправу черезъ рѣку, окомленную остроконечными скалами.

При нашемъ проходѣ, этотъ послѣдній фортъ былъ защищаемъ постомъ въ сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ и двумя орудіями. Когда я возвращался обратно въ Тегеранъ, въ декабрѣ 1861 г., онъ былъ покинутъ и разрушенъ; но ниже и на подобной же позиціи, выстроили фортъ Сюрдже, въ которомъ стояло гарнизономъ человѣкъ 200 солдатъ.

Берега рѣки до такой степени обросли камышомъ, что наши солдаты должны были жечь его, чтобы имѣть возможность подойти къ источнику: пламя иногда распространялось на одинъ километръ. Кабаны, газели и другія животныя, обитающія къ высокой травѣ, выходили оттуда, испуганные пожаромъ и бѣжали въ поле, гдѣ ихъ принимали ружейными выстрѣлами или сабельными ударами.

Когда мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать на охотѣ этого рода, я оставилъ кабана на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, полагаясь на отвращеніе мусульманъ къ этому животному столь же, по ихъ мнѣнію, нечистому, какъ и свинья. Я пошелъ въ свою палатку за разными вещами, которыя были мнѣ необходимы для того, чтобъ разрѣзать животное и взять съ собою нѣкоторыя его части. Возвратившись, я увидѣлъ, что около животнаго собрался довольно большой кружокъ; воору-

женный огромнымъ ножомъ и топоромъ, я пробрался черезъ толпу любопытныхъ; мое удивленіе было неописанно, когда я замѣтилъ что живой, но совершенно запачканный въ крови человѣкъ вылѣзалъ изъ кабана. На мой вопросъ, что это значитъ, мнѣ отвѣчали, что персидскіе доктора часто предпринимаютъ это средство противъ ревматическихъ болей. «Но это ничего—замѣтилъ кто-то изъ толпы—если вы хотите скушать кусокъ мяса, то не стѣсняйтесь». Я поблагодарилъ и ушелъ, отложивъ до другаго случая удовольствіе пообѣдать кабаномъ. Этотъ случай не заставилъ себя ждать. Когда моя склонность къ нечистому мясу стала извѣстна, то мнѣ начали приносить его больше чѣмъ я хотѣлъ, такъ что въ Сарраксѣ, въ моемъ распоряженіи находилось, кромѣ двухъ газелей, шесть кабановъ. Я нигдѣ не видалъ такихъ жирныхъ кабановъ, какъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Изъ Сюрдже мы пошли по южной дорогѣ, которая чрезвычайно крута и ведетъ къ Нурузабаду, форту, содержащему въ себѣ около двухсотъ человѣкъ гарнизона и расположенному, при входѣ въ сарракскую равнину, на лѣвомъ берегу Теджена.

Эта рѣка называется также Гератскою рѣкою, потому что она беретъ свое начало въ окрестностяхъ этого города. Названіе же Тедженъ, дано ей по имени племени, которое живетъ на ея берегахъ.

Нурузабадъ долженъ быть считаемъ границею собственно Хорассана, потому что, хотя крѣпость Сараксъ и принадлежитъ персіянамъ, но не предоставляетъ имъ права владѣнія территоріею, въ которой они не могутъ обрабатывать полей и на которой гарнизонъ показывается только для того, чтобы запастись лѣсомъ и травой для лошадей.

1-го іюня колонна дѣйствующей арміи прибыла въ Сербендъ (передняя часть плотины), гдѣ она стала лагеремъ. Этотъ переходъ составлялъ отъ Мешеда не болѣе тридцати фарзаковъ.

Въ древности, часть Теджена шла по направленію къ сѣверу и орошивъ, посредствомъ каналовъ, слѣды которыхъ существуютъ понынѣ, древній Сарраксъ и его окрестности, протекала до Кутнакума.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи колонны въ эту мѣстность, войска занялись сооруженіемъ плотины, которая была устроена при помощи огромныхъ вѣтвей, переложенныхъ камнями и землей.

Современный Сарраксъ, построенный персіянами лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, окруженъ рвомъ и толстыми стѣнами, нѣсколько башенъ которыхъ, вооружены каждая десятью пушками.

7-го іюня прибыла вторая колонна и расположилась лагеремъ около нашей. Начиная съ этого дня, мы шли вмѣстѣ.

Только 12 числа плотина была окончена. Отъ насъ были посланы два туркменца-салора, съ порученіемъ удостовѣриться,

приняла ли вода то направлѣніе, которое ей было дано. Туркменцы-непріатели, находившіеся уже въ нашемъ виду, убили одного изъ этихъ людей, а другой возвратился раненымъ.

14 іюня утромъ армія перешла въ бродъ Тедженъ.

Трудно представить себѣ, сколько за арміей тащилось повозокъ, набитыхъ поклажей, вьючныхъ животныхъ, лошаковъ, козъ, барановъ и верблюдовъ, на которыхъ наложены были жизненные припасы на цѣлые три мѣсяца. У солдатъ было также множество ословъ, которые тащили на себѣ ихъ поклажу. Все это двигалось въ величайшемъ безпорядкѣ.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, непродолжительныхъ, но очень трудныхъ, по землѣ песчаной, покрытой пластами соли, землѣ, въ которой люди вязли по самыя лодыжки, мы добрались 28 іюня до Куретепе (волчій холмъ).

Ночью была тревога: около тысячи человекъ туркменцевъ приблизились къ нашему лагерю и открыли огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ; они отступили, убивъ у насъ трехъ солдатъ и нѣсколькихъ ранивъ.

На слѣдующій день они снова показались, захвативъ у насъ нѣсколькихъ фуражировъ, которые были отбиты персидскими кавалеристами. При этой стычкѣ, мы убили трехъ туркменцевъ, головы которыхъ были немедленно вонзены въ пики и поставлены посрединѣ лагеря. Одна изъ этихъ головъ, по типу и выраженію, принадлежала къ числу необыкновенныхъ. Пуля попала въ затылокъ и прошла черезъ верхнюю часть лба; остріе пикн совершенно проходило черезъ это отверстіе. Голова была бритая; довольно длинная борода развѣвалась на древкѣ копья и лицо, хотя обезображенное, сохранило умное выраженіе, запечатлѣнное, какъ казалось, проницательной улыбкой.

Колонна, запасшись водой, снялась съ лагеря 2 іюля въ часъ пополудни и въ пять часовъ вечера выступила въ походъ, по направленію къ Кутшакуму.

3 іюля, въ семь часовъ утра, голова колонны прибыла въ Кутшакумъ въ величайшемъ безпорядкѣ и растянувшись по крайней мѣрѣ на двѣ мили. Немного дальше, мы сдѣлали двухчасовой привалъ въ каравансераѣ; потомъ, мы опять двинулись впередъ по песчаной дорогѣ, которая была указана намъ нашими дурными проводникамъ какъ самая короткая.

Во весь этотъ день стояла невыносимая жара.

Когда мы вступили на грунтъ, подъ которымъ можно было надѣяться найти воду, то никто не дожидаясь, пока будутъ вырыты колодцы: солдаты прессовали первую мало-мальски сырую землю въ тряпкахъ, которыя сосались ими или которыми они покрывали грудь.

Въ три часа пополудни, мы замѣтили въ нѣкоторыхъ лощинахъ немного илу, который былъ подобранъ нарасхватъ. Тѣ, которые не могли получить его, вырывали растенія и жевали ихъ стебли. Я съ удовольствіемъ дѣлалъ тоже самое: языкъ мой былъ

сухъ какъ рука. Многіе несчастные солдаты умирая отъ жажды, падали на дорогѣ и, не имѣя силъ говорить, просили умоляющими жестами дать имъ воды.

Какъ въ этотъ день, такъ и на другой туркменцы, близъ территории которыхъ мы находились, тревожили насъ то съ одной стороны, то съ другой. Они убили у насъ нѣсколько человѣкъ и увели пятнадцать верблюдовъ, навьюченныхъ боевыми запасами и поклажей.

6 іюля, въ шесть часовъ вечера, мы расположились лагеремъ въ недалекомъ разстояніи отъ ретраншемента теккеевцевъ, на лѣвомъ берегу Мургаба.

На слѣдующій день было рѣшено, что мы немного приблизимся къ непріятельскому лагерю.

Во время этого передвиженія, насъ тревожили туркменцы и мы принуждены были отстрѣливаться.

У насъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ.

Мы оставались три дня въ этомъ положеніи, посреди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, который отчасти былъ убранъ и сложенъ въ снопы. Армія захватила съ собою весь хлѣбъ, который она только могла взять. Но вмѣсто того, чтобы продолжать военныя дѣйствія и принудить теккеевцевъ сдаться, угрожая имъ сжечь весь ихъ хлѣбъ, было рѣшено, согласно съ мнѣніемъ проводниковъ, которые постоянно намъ измѣняли, выступить къ Марву.

Это была наша первая и самая важная ошибка.

Въ теченіе девяти дней, мы успѣли пройти только шесть фарзаковъ, вступили наконецъ въ Марвъ (или Маро), сдѣлавъ этотъ переходъ по мѣстности, изборозжденной каналами и почти совершенно покрытой водой, по крутымъ утесамъ, не имѣя никакихъ понтонныхъ принадлежностей, за исключеніемъ нѣсколькихъ бревенъ, лопатъ и заступовъ, которыми заваливались ямы.

Персидская армія, торжественно вступила въ Марвъ 19 іюля 1860 года.

Впослѣдствіи я узналъ, что во всей Персіи, праздновали побѣдоносное вступленіе персидскихъ войскъ въ этотъ городъ, хотя въ то время онъ былъ необитаемъ, такъ какъ теккеевцы ограничились тѣмъ, что выгнали изъ него сарокцевъ и расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу Мургаба.

Марвъ окруженъ толстой стѣной, построенной изъ земли и кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, имѣетъ по бокамъ нѣсколько башенъ и защищается широкимъ рвомъ. За стѣнами можетъ быть раскинуто около тридцати тысячъ палатокъ. Рукавъ Мургаба, начинающійся на половинѣ дорогѣ отъ Мавра до Иолетена, проходитъ черезъ этотъ ретраншементъ и принимаетъ потомъ имя Караіаба.

Обломки старыхъ стѣнъ, построенныхъ изъ большихъ кирпичей; небольшіе валы, служившіе изгородью стадамъ туркменцевъ и нѣсколько землянокъ,—вотъ все что, осталось на мѣстѣ прежняго города, основаннаго Александромъ и впослѣдствіи,

украшеннаго и увеличеннаго Антиохіемъ Никаторомъ, который назвалъ его Антиохіей.

По распоряженію начальника нашей арміи, было открыто только двое воротъ; всѣ другія были заложены камнями и всякій помышлялъ лишь объ отдыхѣ. Начальники всѣ ночи проводили въ оргіяхъ.

Каждый день, солдаты ходили за травой для животныхъ и каждый разъ, у насъ захватывали муловъ и фуражировъ, потому что начальники вмѣсто того, чтобъ наблюдать за непріятелемъ, отдыхали въ камышахъ.

Дерзость туркменцевъ доходила дотого, что они по ночамъ рѣзали головы у нашихъ заснувшихъ часовыхъ, или уносили съ поста нѣсколько дюжинъ ружьевъ.

Сильная изнѣженность начальниковъ, въ соединеніи съ совершенною неопытностью, дѣлала ихъ вовсе неспособными къ болѣе или менѣе удачнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Съ моей стороны были сдѣланы имъ разныя замѣчанія, и хотя они ихъ находили справедливыми, тѣмъ не менѣе, я получалъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Иишъ Аллахъ (если будетъ угодно Богу), мы разобьемъ текеевцевъ и потомъ пойдемъ въ Бухару».

Несмотря на подкрѣпленіе, состоявшее изъ двухъ или трехъ сотенъ сарокцевъ, которые присоединились къ арміи, мы продолжали вести тотъ же родъ жизни. Наши начальники ничего не предпринимали; въ вылазкахъ только теряли людей, животныхъ и жгли понапрасно пороохъ. Лишь только замѣчали въ дали туркменца, изъ всѣхъ пушекъ, поставленныхъ на стѣнахъ, открывали огонь, который никому не причинялъ никакого вреда. Наконецъ, какъ и не трудно было предвидѣть, у насъ сталъ обнаруживаться недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Дохлый верблюдъ продавался въ три-дорога.

Тогда рѣшились отнять силою жизненные припасы у салоровъ, нашихъ сосѣдей, которые до того времени оставались нейтральными, но послѣ этой экспедиціи, сдѣлались нашими врагами.

Затѣмъ, у насъ распространился тифусъ, причиною возникновенія котораго была страшная неопрятность въ лагерѣ, заваленномъ падалью и всякаго рода нечистотами.

Пораженные ужасомъ, начальники не хотѣли ни о чемъ больше думать, какъ только о возвращеніи въ Мешедъ, такъ какъ время года было слишкомъ позднее, говорили они, чтобъ предпринять съ успѣхомъ какую-нибудь военную операцію. Но князь Гамзе-Мирза получилъ отъ шаха формальный приказъ добиваться цѣли экспедиціи.

10 сентября, операціонная колонна выступила изъ Марва и направилась къ ретраншменту текеевцевъ черезъ болота и каналы. 13 числа лагерь былъ раскинутъ къ югу отъ текеевцевъ и почти у самаго лѣваго берега рѣки.

Мы находились на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ стѣны,

удаленной, впрочемъ, отъ настоящаго ретраншаментъ туркменцевъ еще на половину пушечнаго выстрѣла, такъ что, ни одно изъ нашихъ ядеръ, никогда не попадало къ нимъ. Напротивъ, непріятель имѣлъ на этой же самой линіи стѣнъ два маленькіе вала, вооруженные каждый пушкой, которыми онъ пользовался довольно удачно. Ядра ихъ попадали часто въ центръ нашего лагеря. Персіяне находили такое положеніе дѣлъ очень неудобнымъ. Главные начальники, приказали построить вокругъ своихъ палатокъ маленькія стѣны изъ грязи, толщиною въ двадцеметра, думая этимъ предохранить себя отъ ядеръ. Однажды, разговаривая съ своимъ сосѣдомъ, генераломъ Ассанъ-Али-Ханомъ, адъютантомъ шаха, и однимъ изъ самыхъ храбрыхъ начальниковъ экспедиціи, я увидѣлъ, что онъ, услышавъ пушечные выстрѣлы, прячется за своей стѣной. Я не могъ удержаться отъ смѣха и мнѣ стоило большаго труда убѣдить персидскаго генерала, что его маленькая стѣна въ два дециметра толщиною, никакимъ образомъ не можетъ задержать ядра. Я полагаю, что одного этого факта достаточно, чтобъ дать понятіе о персидской арміи и ея начальникахъ.

16 числа, всѣ войска выступили изъ лагеря и подошли къ Мургабу, открыли пушечный и ружейный огонь по направленію къ стѣнамъ и двумъ валамъ. Текеевцы мужественно отстрѣливались. Они, безъ сомнѣнія, полагали, что мы двинемся къ ихъ лагерю, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились, Мургабъ можно было перейти въ бродъ; поэтому, они сдѣлали большую вылазку и, пользуясь неровностями почвы и каналами, напали на наши фланги, съ цѣлю задержать наше наступленіе. На нашемъ правомъ крылѣ, былъ убитъ очень уважаемый персіянами генералъ Мегеметъ-Гуссейнъ-ханъ.

Около четырехъ часовъ вечера, канонада прекратилась и армія возвратилась въ лагерь, потерявъ множество людей и истребивъ огромное количество пороху, но не одержавъ нисколько успѣха.

Туркменцы, ободренные перѣшительностью персіянь, приобрѣли удивительную смѣлость и не переставали уже тревожить насъ, чтобъ завестись травой; изъ лагеря не было возможности выходить иначе, какъ подъ защитою многочисленнаго конвоя и орудій.

Одинъ изъ этихъ конвоевъ, былъ застигнутъ врасплохъ туркменцами, которые захватили два орудія съ боевыми снарядами; они немедленно обратили пушки противъ персіянь и такъ удачно стрѣляли въ нихъ, что принудили ихъ поспѣшно укрыться въ лагерь. Эти пораженія, распространили ужасъ и уныніе между персіянами.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, было рѣшено оставить лагерь въ ночи со 2 на 3 октября. Армія была раздѣлена на двѣ колонны.

Вторая, образующая аррьергардъ и находившаяся подъ коман-

дой генерала Гамзе-Мирзы, выступила изъ лагеря около четырехъ часовъ утра. Я отправился съ этой послѣдней колонной.

Туркменцы, увѣдомляемые о нашихъ малѣйшихъ движеніяхъ, успѣли затопить почти всю мѣстность, черезъ которую намъ должно было проходить, чтобы достигнуть до Марва.

Несмотря на трудность перехода при подобныхъ условіяхъ, мы, при восходѣ солнца, находились на разстояніи одного километра отъ той части арміи, которая шла впереди насъ, не встрѣтивъ на пути своемъ ни одного непріятельскаго солдата. Уже транспортъ съ бсевыми снарядами и поклажей присоединился къ первой колоннѣ, какъ вдругъ на нашу колонну было произведено нападеніе съ такою стремительностью, что черезъ четверть часа, она принуждена была отступить въ безпорядкѣ къ первой.

Въ то же время транспортъ, шедшій по болотистой и покрытой кустарниками почвѣ, былъ атакованъ туркменцами, которые до тѣхъ поръ скрывались въ засадѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ сопротивленія, въ теченіе которыхъ персіяне потеряли много людей, войска ихъ еще разъ обратились въ бѣгство, между тѣмъ какъ туркменцы, захватили всю поклажу и вьючныхъ животныхъ.

Большая часть солдатъ собралась подъ холмомъ; оттуда представлялась печальная картина пораженія: дорога была усыяна ранеными и убитыми; рвы наполнены вьючными животными, сходящими изъ нихъ; пушки покинуты; всѣ повозки съ нашими вещами ѣхали по направленію къ лагерю текеевцевъ. Въ этотъ моментъ, обнаружилась реакція и нѣкоторые изъ начальниковъ старались убѣдить солдатъ отнять у непріятеля то, что онъ захватилъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы бросились вслѣдъ за повозками, но были вскорѣ остановлены тѣми затрудненіями, которыя представляла намъ почва, и туркменцами, оставшимися въ засадѣ. Завязалась схватка; но такъ какъ тѣ изъ персіянъ, которые остались на вершинѣ холма, начали стрѣлять въ туркменцевъ, то мы очутились между двухъ огней и принуждены были спастись бѣгствомъ черезъ рытвины и потоки.

Единственною нашею цѣлью было, добратъ, въ порядкѣ до марвской дороги, которая становилась гораздо лучше на разстояніи одной мили отъ того мѣста, гдѣ мы находились.

Полчаса спустя, солдаты замѣтили, что между ними нѣтъ ни одного начальника и увидѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дали, непріятельскую кавалерію, которая скакала по направленію къ Марву.

Солдаты не сомнѣвались больше, что положеніе было отчаянное, потому что ихъ покинули начальники; тогда послѣдовало общее бѣгство, задержать которое не было возможности.

Я искалъ переправы съ группою кавалеристовъ, состоящую изъ двадцати человѣкъ; мы уже перескочили черезъ два рва. Туркменцы посылали намъ пули; я хотѣлъ перескочить черезъ третій ровъ, но упалъ вмѣстѣ съ своею лошадью.

Такъ какъ времени нельзя было терять, то я оставилъ свою лошадь и дошелъ пѣшкомъ до четвертаго рва, гдѣ я нашелъ брошенную лошадь, которую мнѣ удалось вытащить изъ ила и заставить взобраться на откосъ. Но моя надежда на спасеніе существовала недолго, потому что немного дальше, пытаюсь переѣхать черезъ довольно широкій каналъ, я еще разъ упалъ посреди группы людей и лошадей, которымъ вода была по самую грудь. Берега были отвѣсны; люди, взбиравшіеся по нимъ, тщетно хватались за пучки, кое-гдѣ растущей травы, она оставалась въ рукахъ тѣхъ, которые старались уцѣпиться за нея.

Вдругъ туркменцы показались на верху ската и наставили на насъ ружейныя дула. Въ томъ положеніи, въ которомъ мы находились, намъ не было возможности употребить въ дѣло оставшееся у насъ оружіе; сверхъ того, наши боевые снаряды были подмочены.

Надобно было сдаться. Туркменцы помогли намъ выйти изъ канала и предложили сѣсть за собою на своихъ лошадей, на что мы согласились, потому что тѣхъ плѣнныхъ, которые шли пѣшкомъ, а ихъ, было много, тащили, связанныхъ по рукамъ, загнутымъ на спину, за петлю, накинутую на шею.

Остальная часть арміи пустилась въ бѣгство. Трудно опредѣлить цифру персійцевъ, понавшихъ въ руки туркменцевъ; по всей вѣроятности она была очень значительна.

Князю, дядѣ шаха, и Говамъ-Довелту удалось бѣжать въ Марвъ. Они были отведены, по приказанію шаха, въ Тегеранъ и избѣгли предназначенной имъ участи лишь тѣмъ, что дали взятку. Въ Персіи этимъ способомъ отдѣлываются отъ всякой напасти.

Учено-мудр. прил. Абсеев
и др. Вост. м. с. р.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ПЛѢНА У ТУРКМЕНЦЕВЪ.

(Записки Генриха Гулибефа де-Блоквилли).

III.

ПЛѢНЪ.

Мое пребываніе въ плѣну у теккеевцевъ. — Тщетныя попытки, направленныя къ моему выкупу. — Отправленіе плѣнныхъ въ Бухару. — Мое бѣдствіе. — Боже сносное положеніе.

По прибытіи моемъ въ палатку теккеевскаго аги, который захватилъ меня въ плѣнъ, я встрѣтился съ только что приведенными туда пятью или шестью персіянами.

Насъ подробно обыскали. Перломутровыя пуговицы моего жилета были обрѣзаны женщинами, которыя привязали ихъ къ волосамъ своихъ дѣтей.

Часть мужчинъ, принадлежащихъ къ семейству, осталась караулить насъ, другіе вторично отправились преслѣдовать персіянъ.

Женщины подлили немного воды къ своей похлебкѣ и дали намъ поѣсть ее, послѣ чего мы оставались безъ всякой пищи до самаго вечера. Когда дѣло стало подходить къ ночи, насъ связали такимъ образомъ, что три ноги разныхъ людей были перетянуты однимъ узломъ; одни наручники надѣвались на двухъ, а длинная цѣпь, сковывавшая каждымъ концомъ одного изъ плѣнныхъ, привязаннаго къ другимъ, была прикрѣплена къ колу, стоявшему на далекомъ разстояніи отъ палатки.

Вмѣсто матрацовъ, намъ подостлали нѣсколько кусковъ войлока. Мои товарищи всхлипывали. Я не спалъ.

Въ теченіе дня мы были связаны попарно, потому что хватало цѣпей сковать всѣхъ вмѣстѣ.

Вечеромъ мнѣ хотѣли надѣть цѣпь на шею: я объявилъ, что не позволю обращаться съ собою такимъ образомъ, въ тысячу разъ предпочитаю,—закричалъ я,—быть зарѣзаннымъ или убитымъ.

Это заявленіе вызвало улыбку у туркменцевъ, которые подошли ко мнѣ; раздраженный до крайности, я бросился на первого попавшагося мнѣ на глаза, ударилъ его и сразу повалилъ на землю. Но другіе напали на меня и немилосердно били, послѣ чего я былъ скрученъ по рукамъ и ногамъ.

Утромъ меня не развязывали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Одинъ изъ старшихъ лицъ въ семействѣ подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ поперсидски, что я долженъ имѣть терпѣніе; что, по истеченіи нѣсколькихъ дней мнѣ дадутъ свободу, но что до тѣхъ поръ обязанъ, въ виду большаго числа плѣнныхъ, принимать мѣры предосторожности, въ особенности ночью, когда очень легко можетъ вспыхнуть мятежъ, который опасенъ потому, что большая часть теккеевцевъ преслѣдуетъ еще по пятамъ персіянъ; онъ прибавилъ, что если я буду спокоенъ, то меня скоро развяжутъ.

По прошествіи первыхъ двухъ недѣль, у насъ начались сборы къ отъѣзду въ Бухару или Хиву, гдѣ теккеевцы намѣревались продать плѣнныхъ, которые, какъ ихъ ни кормили мало, становились имъ въ тягость.

Большая часть плѣнныхъ были привязаны по парно, по трое или даже по четверо; у другихъ на шеѣ было одѣто желѣзное кольцо, соединенное съ деревянною палкою аршина въ три длиною. Все мало мальски цѣнное платье, которое имѣли эти несчастные, было обобрано у нихъ, въ замѣнъ чего имъ дали отвратительное рубище.

Послѣ этого отъѣзда на меня уже не надѣвали цѣпей днемъ, но сковывали въ теченіе еще нѣсколькихъ ночей, по прошествіи которыхъ меня уже больше не связывали.

Я можетъ быть безъ всякаго затрудненія успѣлъ бы условиться на счетъ своего освобожденія, если бы мнѣ не повредили персіяне, оставшіеся въ лагерѣ, которые, желая подслужиться туркменцамъ, говорили: «Этотъ европеецъ имѣетъ деньги. Сверхъ того, мы знаемъ, что по контракту, заключенному съ нашимъ правительствомъ, онъ долженъ быть выкупленъ, все равно за какую бы то ни было цѣну; не условливайтесь съ нимъ окончательно, обождите; у васъ всегда будетъ на то время».

Я перебывалъ у многихъ персидскихъ начальниковъ, которые находились, какъ и я, въ плѣну, но съ которыми обращались съ уваженіемъ, потому что были увѣрены въ ихъ выкупѣ.

Я просилъ ихъ выкупить меня какъ одного изъ своихъ солдатъ, обязавшись возвратить имъ издержанныя на меня деньги, но пріѣздъ въ Мешедъ; но я получалъ отъ нихъ уклончивые свѣты.

Бухарскіе купцы также спрашивали меня, могу ли я выкупить

себя. Они убѣждали меня, что я буду доставленъ въ Мешедъ за умѣренное вознагражденіе; но мнѣ было извѣстно, что они отвезли бы меня въ Бухару, что увеличило бы затрудненія. Впрочемъ, по моему костюму полугерманскому, полувосточному и по моему жалкому виду, они судили, что я не могу быть богатъ, а мое изнуренное и усталое лицо, мои руки, не привыкшія ни къ какой физической работѣ, возбуждали въ нихъ мысль, что я принесу имъ мало пользы. Между тѣмъ они предлагали за меня ту же сумму, какъ за простаго солдата. Туркменцы не соглашались на это, надѣясь получить по крайней мѣрѣ вдвое; т. е. около 464 франковъ на нашу монету.

Напрасно я говорилъ персіянамъ: «Закончите со мною, я могу отдѣлаться бездѣлицею; сверхъ того при такомъ исходѣ будетъ соблюденъ интересъ вашего правительства, обязаннаго внести за меня выкупъ, который будетъ значителенъ, когда туркменцы узнаютъ въ чемъ дѣло». На всѣ эти доводы мнѣ отвѣчали: «Будьте терпѣливы, ваше дѣло уладится и плѣнъ также уменьшится».

Я не буду описывать всѣхъ бесполезныхъ попытокъ, сдѣланныхъ мною для своего освобожденія изъ неволи. Впослѣдствіи читатель увидитъ, какимъ образомъ мнѣ была возвращена свобода.

Хуже всего въ нашемъ положеніи было то, что туркменцы почти ничего не давали намъ ѣсть. Кромѣ экономическихъ соображеній, они надѣялись принудить насъ такимъ образомъ къ выкупу или къ признанію, что мы имѣемъ деньги. Я страдалъ: для меня было недостаточно куса хлѣба утромъ и вечеромъ, къ которому прибавляли луковицу въ торжественные дни. Такимъ образомъ всякій разъ какъ мнѣ удавалось просунуть руку въ грязную тряпку, въ которую завертывался хлѣбъ и которая пряталась въ сосѣдней палаткѣ, я уносилъ оттуда лопотъ и сѣдалъ его украдкою. Сырое или сушеное на солнцѣ мясо, къ которому я выказывалъ явное отвращеніе передъ туркменцами, было для меня чѣмъ-то въ родѣ лакомства, которое я пожиралъ всякій разъ, какъ оно попадало мнѣ въ руки.

Я дошелъ до того, что изыскалъ средство получать больше хлѣба. Я наблюдалъ изъ палатки за женщинами, которыя ходили печь хлѣбъ въ печкѣ, выстроенной по соседству. Когда по моему расчету оказывалось, что наступило время вынимать хлѣбъ, я набивалъ сѣю трубку табакомъ, и важною поступью подходилъ къ этимъ женщинамъ, обращаясь къ нимъ съ стѣдующимъ вопросомъ: «О атише, о бирьотъ варми?» (т. е. о гражданки, о, нѣтъ ли огня?)

Между тѣмъ, у этихъ номадовъ есть обычай предлагать хлѣбъ, вынутый изъ печки, каждому, кто только увидитъ его; обыкновенно берутъ маленькій кусочекъ, изъ вѣжливости, причемъ проводятъ руками по бородѣ, говоря: Аллахъ акберъ.

Разумѣется и мнѣ предлагали хлѣбъ. Я тоже бралъ его изъ вѣжливости, но только не кусочикъ, а почти пол-хлѣба.

Такъ какъ я очень часто приходилъ за огнемъ, то туркменки, мои сосѣдки, оставили печку и стали ходить печь хлѣбъ гораздо дальше, что заставляло меня совершать довольно далекий путь для закуриванія трубки.

Мое легкое разорванное платье оказывалось недостаточнымъ. Я спалъ на голой землѣ, прикрываясь вмѣсто одѣяла нѣсколькими лохмотьями войлока.

То бѣдственное состояніе, въ которомъ я находился, становилось невыносимымъ. Я далъ понять туркменамъ, что такъ какъ они не кормили и не одѣвали меня, то на ихъ обязанности лежитъ по крайней мѣрѣ помочь мнѣ въ отысканіи средствъ къ улучшенію моего положенія, проводивъ меня къ персидскому артиллерійскому генералу Абдуль-Али-хану, который все еще былъ въ плѣну по случаю своей раны.

Онъ почти совершенно вылечился и жилъ съ комфортомъ, принадлежа къ числу тѣхъ, положеніе которыхъ было извѣстно туркменамъ, смотрѣвшимъ на такихъ людей какъ на цѣнные предметы, за которыми слѣдуетъ заботливо ухаживать, относительно разумѣется.

Абдуль-Али-ханъ хорошо меня принялъ и предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ его обѣдъ, который былъ хотя очень простъ, но для меня показался настоящимъ пиромъ.

Я просилъ его дать мнѣ въ займы немного денегъ, которыя я обѣщалъ возратить ему въ Мешедѣ.

Нѣсколько дней спустя я былъ одѣтъ такимъ образомъ, что могъ не бояться зимы. У меня была пара сапоговъ подбитыхъ мѣхомъ и сверхъ того войлочные сапоги, которые я уже не снималъ, потому что боль не позволяла мнѣ согнуть ногъ. Кромѣ того я былъ снабженъ двумя панталонами и двумя рубашками, бѣлымъ халатомъ, бараньимъ тулупомъ и бараньею шапкою или тальбакомъ. Итакъ я могъ обойтись безъ одѣяла и матраца и мнѣ нечего было больше бояться ни сырости, ни дождя, ни снѣга, который проходилъ черезъ дырявыя палатки и которымъ я иногда былъ покрытъ по утрамъ. Я выбрилъ голову какъ всѣ жители, вслѣдствіе неопрятности существующей въ этой странѣ, и приказалъ выкипятить или лучше сказать выварить свою рубашку и панталоны, которые были сдѣланы изъ очень грубаго полотна, дабы имѣть костюмъ по возможности чистый и менѣе обитаемый разными насѣкомыми. Туркмены находили этотъ процессъ невѣроятнымъ, но не противились ему, и очень смѣялись надъ этимъ способомъ мыть бѣлье, который они считали европейскою глупостью или эксцентричностью, потому что когда у нихъ заводится слишкомъ много насѣкомыхъ, то они ограничиваются тѣмъ, что потрясутъ свою рубашку или панталоны надъ огнемъ или въ печкѣ.

Такимъ образомъ я жилъ до половины весны, причемъ

моемъ положеніи не произошло никакой перемѣны; но у меня было много досуга для изученія нравовъ и обычаевъ туркменцевъ.

Черты лица туркменцевъ.—Мужчины.—Женщины.—Дѣти.—Одежда.

Туркмены народъ, по словамъ однихъ, монгольскаго племени, а по другимъ индо-татарскаго. Рѣшить этотъ вопросъ довольно трудно, потому что хотя всѣ эти туркменскія племена имѣютъ одинъ и тотъ же типъ, но всетаки между людьми, которые образуютъ ихъ, существуетъ очень значительная разница въ формѣ головы и въ чертахъ лица. Такимъ образомъ эти номады не имѣютъ сходства съ бухарцами, равно какъ существуетъ большая разница между бухарцами и хивинцами.

Типъ, съ которымъ мнѣ удалось больше всего ознакомиться, резюмируется слѣдующимъ образомъ.

Туркменецъ ростомъ вообще выше средняго. Онъ довольно хорошо сложенъ. Не обладая очень развитыми мускулами, онъ имѣетъ порядочную силу и здоровое тѣлосложеніе, которое даетъ ему возможность переносить много лишений. Цвѣтъ кожи у него блѣдный. Лицо его круглое, скулы выдаются, лобъ широкій; глаза узкіе, маленькіе, но живые и умные; носъ небольшой, и вздернутъ кверху, губы большія. Ко всему этому прибавьте рѣдкіе усы и бороду. Уши очень развиты и отвислы; привычка закладывать за уши шапку, увеличиваетъ это безобразіе до такой степени, что, смотря на туркменца въ лицо, видишь его ухо, такъ же какъ когда смотришь на другаго человѣка въ профиль.

Костюмъ состоитъ изъ широкихъ панталонъ, стянутахъ на бедрахъ посредствомъ вздержки, и рубашки безъ ворота, сдѣланной въ видѣ раздѣла на сторонѣ, доходящимъ до пояса; она надѣвается поверхъ панталонъ и оканчивается на половинѣ лядвеи. Сверху, одинъ или нѣсколько большихъ халатовъ, открытыхъ спереди и немного сходящихся на груди, стянуты на талии поясомъ изъ бумажной или шерстяной матеріи. Рукава у халата очень длинные и очень широкіе. На головѣ маленькая скуфья замѣняетъ волосы и прикрывается особеннаго рода шапкою, называемою тальбакомъ и имѣющею форму конуса, верхушка котораго немножко приплюснута. Тальбакъ дѣлается или изъ агнѣчьей шкуры, или изъ шкуры обыкновеннаго барана. Обыкновенная обувь состоитъ изъ туфель или просто подметки, сдѣланной изъ верблюжьей или лошадиной кожи и прикрѣпленный къ ногѣ шерстянымъ шнуркомъ.

Зимою и при ѣздѣ верхомъ туркмены, равно какъ туркменки, носятъ сапоги; сперва на ногу наворачивается нѣчто въ родѣ пантели, которая доходитъ до половины ноги, и въ которую заворачиваются панталоны. Сверху надѣвается войлочный сапогъ, который, но очень плотный и затѣмъ большой сапогъ изъ

голениища котораго переходять за колѣна. Эти сапоги имѣютъ шовъ внутри, каблуки у нихъ очень высокіе и узкіе, а основаніе защищается подковою величиною съ франтъ, прибитою къ каблукъ; когда сапоги бывають смазаны саломъ, они дѣлаются непромокаемыми. Кромѣ того, туркменецъ носить всегда ножъ и полусаблю, которые привѣшиваются на боку посредствомъ шнура или ремня.

Типъ туркменскихъ женщинъ болѣе своеобразенъ, чѣмъ типъ мужчинъ. Скулы ихъ еще болѣе выдаются; кожа у нихъ очень бѣлая, несмотря на то, что онѣ нечистоплотны. Волосы у нихъ вообще бывають гуще, но очень короткіе, такъ что онѣ вынуждены удлиннять свои косы посредствомъ шнурковъ, сплетенныхъ изъ козьей шерсти (фальшивые волосы неизвѣстны въ этой странѣ) и тесемокъ, къ которымъ привѣшиваются мелкіе стеклянные украшения и бусы.

Костюмъ женщинъ состоитъ изъ панталонъ, которыя доходятъ до лодыжекъ, гдѣ они суживаются до объема ноги и изъ широкой, но прямой рубашки, оканчивающейся у лодыжекъ. На всей той части рубашки, которая покрываетъ грудь, привязаны серебрянныя монеты, плоскія или овальной формы; въ нѣкоторыя изъ этихъ монетъ, число рядовъ которыхъ доходитъ до шести, вставляются сердолики. Женщины одѣвають нѣсколько верхнихъ платьевъ въ родѣ тѣхъ, которыя носятъ мужчины, но которыя доходятъ только до половины ноги. Замужнія женщины носятъ иногда поясъ на рубашкѣ.

По обѣимъ сторонамъ висковъ туркменки оставляють клочокъ волосъ, который оканчивается ниже подбородка; остальная часть волосъ раздѣляется на двѣ косы, падающія на поясницу. Голова покрывается круглою шапкою со сборками, сверхъ которой надѣвается шелковая или хлопчато-бумажная фата, падающая сзади до пятокъ. Весь головной уборъ поддерживается особенною чалмою, шириною въ три пальца, которая унизана мелкими серебряными пластинками; чалма завязывается позади головы обыкновеннымъ узломъ. Одинъ изъ концовъ фаты проходитъ подъ подбородкомъ справа влѣво и прикрѣпляется посредствомъ золотой цѣпочки, оканчивающейся крючкомъ, на лѣвой сторонѣ головы. Смотря по обстоятельствамъ, этотъ конецъ фаты закрываетъ весь подбородокъ до нижней губы, какъ у армянокъ.

Серьги дѣлаются изъ массивнаго серебра и имѣютъ форму треугольника: на нихъ находятъ золотыя арабески, посрединѣ которыхъ вставляется сердоликъ; къ основанію треугольника привѣшиваются маленькія цѣпочки, величиною въ пять сантиметровъ (ок. 2 дюймовъ), оканчивающіяся крошечною серебряною пластинкою, имѣющею форму ромба; серебряная цѣпочка привѣшивается къ крючку, имѣющему форму удочки, придѣланному къ вершинѣ треугольника и проходящему въ ухо; эта цѣпь привязывается на верху головы и служитъ для облегченія уха, ко-

торое не могло бы выдержать столь значительной тяжести, такъ какъ пара такихъ серегъ вѣситъ не менѣе 46 золотниковъ.

Браслеты, обыкновенно овальной формы, бываютъ шириною отъ двухъ до трехъ пальцевъ. Отверстіе, оставленное на одной сторонѣ овала, позволяетъ просунуть въ него кисть, которую немного сжимаютъ и смачиваютъ слюною. Вѣсъ браслета измѣняется отъ 58 до 70 зол. и, равно какъ всѣ другія украшенія, онъ дѣлается изъ серебра съ золотыми арабесками и оправленными сердоликами.

Ожерелье также имѣетъ форму, освященную обычаемъ, но которая измѣняется, смотря по своей стоимости. Оно обыкновенно состоитъ изъ пластинки, обвивающейся вокругъ шеи и закрывающейся съ боку посредствомъ шарнира; къ этому овалу привѣшивается находящаяся на груди бляха, въ формѣ напоминающей собою ромбъ, величиною съ руку. Бляха эта ажурной работы и раздѣлена на отдѣленія, изъ которыхъ въ каждое вставленъ круглый или квадратный сердоликъ. Это украшеніе виситъ на цѣпочкахъ, которыя также оканчиваются серебряными пластинками.

Къ кожаной перевязи, покрытой небольшими серебряными пластинками, привѣшено нѣчто въ родѣ футляра, въ которомъ хранятся амулеты, талисманы или стихи корана. Это украшеніе въ формѣ треугольника имѣетъ зазубрины, причемъ острый конецъ треугольника обращенъ къ низу, а футляръ образуетъ его основаніе. Какъ и всѣ остальные украшенія, оно сдѣлано изъ серебра, и имѣетъ золотые сердоликовые орнаменты и вѣситъ 35 золотниковъ.

Наконецъ къ тали привѣшивается круглая бляха съ зазубринами, похожая на солнце и имѣющая вѣсу 59 золотниковъ.

Тиара, которую надѣваютъ пожилыя женщины въ большія церемоніи, напримѣръ на свадьбы, имѣетъ около 1 ф. 1½ дюйма въ вышину и состоитъ изъ кожаннаго фасона очень широкаго сверху, гладкаго, покрытаго сукномъ или красною матеріею, къ которой привѣшиваются рядами золотыя или серебряныя цѣпочки, оканчивающіяся маленькими ромбоидальными пластинками. На верху этого головного наряда придѣлываются штифтики или шарики, дѣлающіе его похожимъ на корону.

Къ этой повязкѣ прикрѣпляется, на подобіе вуали, шелковое покрывало желтаго или зеленаго цвѣта, вышитое яркими шелками и ниспадающее на спину. Эти вуали вышиваются обыкновенно иглою. Двѣ женщины должны просидѣть три мѣсяца надъ подобною работою. Всякій разъ какъ женщина выходитъ изъ дома, она надѣваетъ покрывало. Во всѣхъ ихъ костюмахъ преобладаютъ цвѣта красный, желтый и малиновый. Когда десятковъ женщинъ соберется идти за водою, то по бречанью ихъ украшеній можно подуматъ, что идетъ караванъ муловъ.

Часто видишь женщинъ отвратительно грязныхъ, въ лохмотьяхъ, не имѣющихъ ничего кромѣ маленькаго мѣшочка съ хлѣ-

бомъ, для прокормленія своего семейства, не имѣющихъ чѣмъ прикрыться ночью и, все-таки, унизанныхъ украшеніями, съ которыми они не расстаются, даже ночью и отдаютъ ихъ въ закладъ развѣ при послѣдней крайности и то не иначе, какъ по требованію мужа. Мужчины совсѣмъ не носятъ украшеній, исключая молодыхъ людей, которые застегиваютъ иногда воротъ рубахи коралловыми брошками.

Дѣти, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, ходятъ въ одной рубашкѣ, изъ шелковой, или бумажной матеріи, украшенной серебряными бляхами. Мальчиковъ брѣютъ, оставляя имъ только по двѣ приди волосъ на вискахъ, одну на маковѣ и по одной за ушами. Они иногда заплетаютъ ихъ. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ шапки, къ которой прикрѣплена пластинка для втыканія перьевъ. Костюмъ дѣвочекъ почти такой же, только рубашки ихъ гораздо длиннѣе. Съ двѣнадцати лѣтъ имъ отпускаютъ волосы. Прическа ихъ отличается отъ мальчиковъ только тѣмъ, что къ шапочкѣ ихъ привязываются волны шерсти и черного шелка.

Племя это очень смѣшанное. Плѣнные, взятые въ сосѣднихъ странахъ, въ Персіи, въ Афганистанѣ, часто остаются въ Туркестанѣ и вступаютъ въ бракъ съ туземками. Кромѣ того туркмены безпрестанно приводятъ къ себѣ женщинъ изъ чужихъ земель.

Но, какъ бы то ни было, туркменскій типъ такъ характеристиченъ, что очень легко отличить чистокровнаго туркменца.

Народонаселеніе Туркестана. — Кедкуды.

У теккеевъ можно считать среднимъ числомъ до 30,000 шатровъ. Въ каждомъ шатрѣ живетъ отдѣльное семейство; случается, впрочемъ, что въ шатрѣ живутъ нѣсколько холостыхъ мужчинъ.

Такъ какъ эти племена безпрестанно ведутъ войны и такъ какъ смертность у нихъ очень велика, то народонаселеніе въ Туркестанѣ не увеличивается нагляднымъ образомъ.

Теккеевское племя чрезвычайно раздроблено: оно раздѣляется на двадцать четыре народа. Всѣ эти народы занимаютъ участки, доставшіеся имъ при раздѣлѣ земли, и соединяются между собою только на время опасности.

Всякое племя само выбираетъ себѣ предводителя или Кедкуда, называемаго также Риче-Сефидомъ или Бѣлою Бородою. Хотя у нихъ и есть ханы, принадлежащіе къ древнимъ родамъ и пользующіеся нѣкоторымъ вліяніемъ, но тѣмъ не менѣе въ предводители выбираютъ ихъ только въ томъ случаѣ, если они того заслуживаютъ своими личными качествами. Въ кедкуды обыкновенно выбираютъ людей выдающихся по своему уму и честности и способныхъ защищать интересы племени. У кедкудовъ часто происходятъ совѣщанія о томъ, какія предпринять мѣры въ случаѣ войны, набѣга, о вопросахъ на счетъ раздѣла водъ

орошенія, на счетъ устройства плотинъ, рытья каналовъ и вообще всего, что касается общихъ интересовъ.

Одинъ изъ кедкудовъ, Кончилъдъ-ханъ, пользуется нѣкоторыми правами верховной власти, благодаря своей хитрости и политическому смыслу. Но хотя его и признають потомкомъ самой древней или самой знатной фамиліи изъ племени теккеевъ, но онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ согласія общества, потому что туркменцы хотя и признають того или другаго изъ своей среды своимъ начальникомъ, но тѣмъ не менѣе все же сохраняють полное равенство и свободу.

У этихъ номадовъ, столь безжалостныхъ къ своимъ плѣннымъ, существуетъ между собою извѣстнаго рода связь и умѣнье вести общественныя дѣла, быть можетъ лучше даже, чѣмъ гдѣ нибудь.

Между послѣднимъ пастухомъ и главнымъ начальникомъ не существуетъ никакого различія. Всякій взрослый человѣкъ имѣетъ одинаковое право голоса на общественномъ совѣтѣ. Слуги хотя и должны бывать исполнять приказанія господъ, но тѣмъ не менѣе они остаются съ ними на равной ногѣ, и считаются почти членами семейства.

(Жилище. — Новоселье. — Пища. — Работы.)

Расположеніе и убранство жилища одинаково у всѣхъ туркменцевъ, съ тѣю конечно разницею, что у богатыхъ оно содержитъ нѣсколько лучше. Новоселье всегда празднуется.

Новоселье дѣлается обыкновенно тогда, когда шатеръ еще не покрытъ войлокомъ. Въ немъ размѣщается различная утварь, т. е. ковры, мѣшки съ съѣстными припасами, нѣсколько лоскутковъ шелковой или бумажной матеріи различныхъ цвѣтовъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ перьевъ, служащихъ для украшенія стѣны, и развѣшенныхъ нарочно такъ высоко, чтобы можно было достать ихъ не иначе, какъ припрыгнувъ.

Какъ скоро всѣ гости собрались, хозяинъ вводитъ ихъ въ новое жилище. Всякій дѣлаетъ свое замѣчаніе относительно достоинства, или неудобства шатра. Самые ловкіе изъ гостей стараются сорвать съ верху шатра лоскутки матеріи и перья. Послѣ этого начинается борьба, скачка, стрѣльба въ цѣль изъ ружей или пистолетовъ на всемъ скаку. Послѣ обѣда всѣ садятся пить чай, курятъ и слушаютъ музыку. Этимъ кончается праздникъ.

Хозяинъ обыкновенно сидитъ посреди шатра, передъ огнемъ, лицомъ ко входу; жена или жены помѣщаются направо отъ входа, гости налево, т. е. по правую руку хозяина. Въ рѣшетку, на потолокъ, продѣтъ прочный ремень, придерживающій войлокъ, чтобы его не сорвало бурей. Къ концу ремня привѣшены мѣшокъ съ хлѣбомъ, или другая тяжесть, спускающаяся въ шатеръ.

Тѣ изъ туркменцевъ, которые имѣютъ при себѣ оружіе, вѣ-
шаютъ его снаружи, у входа въ шатеръ.

Пища почти у всѣхъ туркменцевъ одинаковая: семейный обѣдъ
состоитъ изъ чертоваго хлѣба и лука, или изъ супа, смотря по
состоянію, сюда можно прибавить разные овощи, арбузы, тыквы,
дыни. Почти всякій туркменецъ держитъ овцу или козу, кото-
рую откармливаетъ и убиваетъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Самое лакомое мясо у туркменцевъ считается то, которое нѣ-
сколько испортилось. Кости они такъ же берегаютъ на слу-
чай, когда вздумается угостить своихъ друзей хорошимъ бульо-
номъ. Даже кожа идетъ въ пищу: туркмены кладутъ ее гдѣ
нибудь въ сыромъ мѣстѣ, чтобы она прокисла, тогда шерсть
легко отстаетъ отъ нея, и кожу, безъ дальнѣйшихъ пригото-
вленій, жарятъ на угольяхъ и ѣдятъ. Внутренности составляютъ
достояніе дѣтей. Они жарятъ ихъ на угольяхъ и проводятъ
цѣлые дни, лакомясь этими непромытыми остатками.

У туркменокъ есть обычай, какъ скоро заслышать по запаху,
что у кого нибудь изъ сосѣдокъ варится говядина, собираться къ
тому мѣсту и подъ разными предлогами завести съ хозяйкою
разговоръ и потомъ уѣсться вокругъ котла. И все это для то-
го, чтобы, помѣшавъ ложкою въ котлѣ, облизать оставшіяся на
ней жиръ. Впрочемъ обычай заставляетъ хозяйку предложить
посѣтителницамъ по кусочку мяса, конечно, не лучшему.

Передъ обѣдомъ все семейство моетъ руки, впрочемъ, болѣе
для формы, потому что не водою можно было бы отмыть ихъ; хозя-
инъ произноситъ «бимъ Аллахъ» (или имя Божіе) и подаетъ знакъ
садиться; мужчины обѣдаютъ особо, женщины и дѣти особо. Го-
вядину вылавливаютъ изъ супа руками, пока выловятъ всю; за тѣмъ
начинаютъ ѣсть супъ всѣ одною ложкою, передавая ее по оче-
реди другъ другу. Здѣсь главное искусство состоитъ въ томъ,
чтобы какъ можно болѣе схватить пищи, и какъ можно менѣе
развлекать компанію интересными разговорами.

Когда обѣдъ кончился, всѣ начинаютъ облизывать пальцы,
теретьъ рука объ руку, чтобы онѣ равномернѣе напитались жиромъ,
за тѣмъ такимъ же манеромъ трутъ лицо, чтобы сдѣлать кожу
блестящею и вѣжною; третья операція состоитъ въ натираніи
жиромъ ногъ и сапогъ, у кого они есть. Поэтому достаточно
взглянуть на сапоги туркменца, чтобы узнать постное, или ско-
ромное онѣ ѣсть.

Послѣ натиранія, старшій изъ присутствующихъ произноситъ
«бимъ Аллахъ», и всѣ присутствующіе проводятъ нѣсколько разъ
руками по нижней части лица, а мужчины по бородѣ.

Когда у меня былъ свой шатеръ, и когда я по вечерамъ за-
жигалъ у себя лампу, мои сосѣдки приходили помакать въ ней
свои пальцы, или растопляли на огнѣ кусочекъ бараньяго жи-
ра и натирали имъ лица себѣ и своимъ дѣтямъ.

Если кому нибудь посчастливится найти въ своей порціи мя-
са кость, тотъ съ наслажденіемъ гложетъ ее послѣ обѣда для

развлеченія. Мужъ, погладавъ кость, отдаетъ ее женѣ, а та, въ свою очередь, передаетъ ее дѣтямъ.

Послѣ обѣда закуриваютъ трубку, галамъ, родъ нарگیіе. Туркменецъ быстро затянется три, или четыре раза, въ послѣдній разъ на столько, на сколько позволяютъ только легкія, и передаетъ трубку сосѣду. Послѣ этого онъ нѣсколько времени сидитъ задумчиво, и не замѣчаетъ, какъ слюни текутъ у него по губамъ.

Женщины, за нѣмногими исключеніями, не курятъ; мужчины же постоянно носятъ при себѣ табакъ. Даже ночью, если туркменцу не спится, онъ встаетъ и идетъ въ тотъ шатеръ, гдѣ надѣется найти огонь. Никто не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. Только иногда хозяинъ шатра, проснувшись, спроситъ «кто тамъ?» и затѣмъ оставляетъ посѣтителя рыться въ зольѣ, сколько душѣ угодно.

Любимый напитокъ туркменцевъ—чай; они пьютъ его и съ сахаромъ и безъ сахара такъ неумѣренно, что въ старости у нихъ дѣлается дрожаніе членовъ.

Женщины у туркменцевъ пользуются бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ, хотя работаютъ очень много: онѣ прядуть, ткутъ, шьютъ, валяютъ войлоки, моютъ, иногда красятъ шерсть и дѣлаютъ изъ нея ковры и проч. Нужно сильное сложеніе туркменокъ, чтобы выносить столько трудовъ и въ то же время кормить грудью, питаясь иногда черствымъ хлѣбомъ. Болѣе всего изнуряетъ ихъ работа на мельницѣ.

Туркменки никогда не остаются безъ дѣла, какъ женщины другихъ мусульманъ; даже въ свободное время, сидя въ гостяхъ, онѣ имѣютъ при себѣ какое нибудь рукодѣлье.

У туркменцевъ есть сильное стремленіе къ образованію: они иногда проводятъ цѣлыя дни надъ книгами, случайно попавшими къ нимъ въ руки, стараясь понять стихи, написанные на бухарскомъ нарѣчій, которое нѣсколько разнится отъ туркменскаго. Женщины въ особенности гордятся тѣмъ, что умѣютъ читать.

Дѣти не работаютъ до десяти, или до двѣнадцати лѣтъ; вмѣсто этого родители учатъ ихъ грамотѣ. Если лѣтомъ, въ рабочую пору, родители бываютъ иногда вынуждены заставлять дѣтей помогать себѣ, то потерянное время вознаграждается зимой.

Школьные учителя, обыкновенно муллы получаютъ образованіе въ лучшихъ школахъ Хивы и Бухары. За обученіе дѣтей они довольствуются очень небольшимъ вознагражденіемъ деньгами, или натурою, смотря по достатку родителей. Въ школѣ каждому ребенку дается дощечка, на которой учитель пишетъ азбуку, или урокъ, который ребенокъ долженъ выучить. Передъ отправленіемъ въ школу, родители сами спрашиваютъ у дѣтей эти уроки.

Хотя туркменцы довольно точно исполняютъ религіозныя об-

ряды, но въ нихъ нѣтъ того фанатизма, которымъ отличаются восточные народы; они, напр., курятъ и ѣдятъ съ евреями.

Въ первое время, мои хозяева сулили мнѣ всѣ возможныя выгоды, если я приму мохамеданство, женюсь на туркменкѣ и поселюсь у нихъ. Чтобы отъ нихъ отдѣлаться, я спросилъ, чтобы они сказали, еслибы мохамеданинъ перемѣнилъ вѣру. Они поняли и болѣе не заговаривали со мною объ этомъ предметѣ.

Туркменцы постоянно носятъ при себѣ ладанки, или стихи изъ корана, написанные муллами, извѣстными добродѣтельной жизнью, и не только мода съ дѣтства носить ладанки, но ихъ также надѣваютъ на скотъ. Въ шатрѣ ихъ бываетъ по нѣскольку.

Туркменцы были увѣрены, что я, какъ иностранецъ, имѣю силу лечить болѣзни и могу давать ладанки, имѣющія свойство помогать во всѣхъ предпріятіяхъ. Я вслѣдствіе увѣрялъ ихъ, что ладанки мои имъ ни къ чему не послужатъ, но они возражали, что для меня, вѣдь, дать ладанку ничего не стоитъ, а они вѣрятъ въ мою силу. Чтобы отвязаться, я долженъ былъ наградить ихъ ладанками.

У нихъ есть обычай всякій годъ давать большой религиозный пиръ, Кода-ели (кода—Богъ, ель—путь). Это дѣлается въ угожденіе Богу, чтобы приготовить себѣ хорошее мѣсто на небѣ, и вообще обезпечить успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ, а въ особенности удачу въ грабежѣ, такъ какъ грабежъ считается у нихъ добрымъ дѣломъ, потому что вредитъ невѣрнымъ.

Пиръ приготовляетъ всякій по своимъ средствамъ. Человѣкъ богатый убиваетъ по десяти и по двѣнадцати барановъ, а для стряпни приглашаетъ своихъ сосѣдей и друзей. Посуду занимаютъ у сосѣдей; кушанье готовить поручается тѣмъ, кто слыветъ лучшими поварами. Предъ палаткою угощающаго разстилаются ковры, а хозяинъ со всѣмъ семействомъ прислуживаетъ во время обѣда и наблюдаетъ, чтобы всѣ были сыты. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ, хозяинъ разсаживаетъ ихъ на ковры, группами, человѣка по четыре, по пяти, подають кушанье и старшій въ группѣ призываетъ благословеніе Божіе на хозяевъ. Насытившіеся уступаютъ свои мѣста вновь прибывшимъ.

Если туркменецъ видитъ что нибудь цѣнное, золото, серебро и вообще что нибудь такое, что ему нравится, онъ беретъ предметъ въ руки, прикладываетъ къ глазамъ и желаетъ чтобы онъ, или дѣти его имѣли такой же. Женщины въ особенности ко всему прикасаются. Если, напр., новобрачная увидитъ красиваго ребенка, то она прикасается къ нему двумя пальцами, потомъ проводитъ рукою по своему лицу и тѣлу, въ полной увѣренности, что такое прикосновеніе можетъ имѣть физическое вліяніе.

Почти всѣ туркменцы посвящены въ таинства ворожбы, въ которую они непоколебимо вѣрятъ.

Туркменецъ держитъ себя съ достоинствомъ, но это не мѣшаетъ ему по временамъ быть веселымъ, беззаботнымъ, даже

восторженнымъ. Въ эти минуты онъ забываетъ свои дурные инстинкты, прожорливость, скупость и дѣлается великодушнымъ и щедрымъ.

Но воровство, повидимому, его врожденное свойство: ребенокъ крадетъ у матери, жена у мужа, братъ у сестры, но это происходитъ только въ семействѣ; внѣ дома всѣ отъ этого остерегаются. Человѣкъ, пойманный въ воровствѣ въ чужомъ шатрѣ, находится въ полной зависимости отъ того, кто его поймалъ, и никто не хочетъ подвергнуться безчестью въ своемъ племени.

Когда между туркменцами встрѣчается какое нибудь недоразумѣніе, и когда они не могутъ между собою согласиться, то они обращаются на судъ къ старикамъ или къ кази (мулѣ).

Торгуются туркменцы нескончаемо; торгъ иногда длится два, три мѣсяца, прежде чѣмъ поладить на чемъ нибудь. Но разъ дѣло рѣшено, условія исполняются честно, даже въ томъ случаѣ, если дѣло не выгодно. Само собою разумѣется, что съ непріятелями и плѣнными поступаютъ не такъ.

Они однако умѣютъ цѣнить честность и искренность и въ европейцахъ. Они говорятъ «если слово европейца доходить до пояса, то слово туркменца поднимается до бороды».

Всѣ они любятъ свое племя и въ случаѣ надобности жертвуютъ собою за общину. Они держатся скромно и съ достоинствомъ, такъ что нѣтъ сравненія между ними и сосѣдними народами.

Я рѣдко видѣлъ у нихъ скандалы: мнѣ часто случалось присутствовать при жаркомъ спорѣ, но я никогда не слышалъ грубой брани, бранныхъ словъ, какъ въ другихъ земляхъ. Туркменцы не такъ суровы съ своими женщинами, какъ персіане, и имѣютъ къ нимъ болѣе уваженія.

Когда въ шатеръ входятъ посторонніе, то женщины должны только закрыть подбородокъ покрываломъ, да, разговаривая, понизить голосъ, но и не думаютъ прятаться. Гости раскланиваются съ ними, разговариваютъ очень почтительно, не находя во всемъ этомъ ничего предосудительнаго.

Женщина можетъ идти изъ одной общины въ другую по глухой дорогѣ идти далеко и одна, но никогда не встрѣтитъ ни малѣйшаго оскорбленія.

У туркменцевъ привѣтствіе имѣетъ неизмѣнную форму. Входя въ шатеръ, туркменецъ кланяется, потомъ стоитъ нѣсколько времени выпрямившись и поднявъ глаза на потолокъ, вѣроятно для того, чтобы дать время женщинамъ закрыть подбородокъ, наконецъ произноситъ привѣтствіе, не дѣлая болѣе никакихъ поклоновъ. Когда кончится обмѣнъ привѣтствій и взаимное освѣдомленіе о здоровьи родныхъ, друзей, племени, хозяинъ проситъ гостя сѣсть на коверъ, рядомъ съ собою, а хозяйка подноситъ хлѣба, воды, или кислаго молока и плодовъ. Изъ вѣжливости гость беретъ всего по немногу.

(Свадьба. — Родины. — Похороны.)

Женщины у туркменцевъ выходятъ замужъ не ранѣе 16 или 17 лѣтъ. До тѣхъ поръ родители не принуждаютъ ихъ къ тяжелой работѣ, чтобы сохранить ихъ здоровье и за это взять съ жениха подороже.

Такъ какъ женщины здѣсь не закрываютъ лица, то жениху не трудно сдѣлать между ними выборъ. Выбравъ невѣсту, женихъ поручаетъ родственницѣ, или доброй пріятельницѣ, сосватать ему дѣвушку, уговориться въ цѣнѣ и вообще заключить съ ея родственниками необходимыя условія.

Если дѣвушка здорова, хорошо сложена и красива собою, за нея платятъ до 100 томановъ—около 1,750 р. сер.

За женщину обыкновенной наружности вносятъ отъ 60 до 80 томановъ.

Если дѣвушка горбата, глуха и нѣма, если вообще имѣетъ какой нибудь физическій недостатокъ, то она стоитъ не болѣе 15—20 томановъ. Столько же нужно заплатить за хорошенькую невольницу; но, кромѣ того, дѣти ея считаются ниже другихъ дѣтей того же отца и получаютъ меньшую долю въ наслѣдствѣ.

По заключеніи условій, призываютъ муллу, который составляетъ контрактъ и назначаетъ для свадьбы день, имѣющій хорошее предзнаменованіе.

Въ день свадьбы шатеръ жениха чистится и убирается какъ можно лучше. За невѣстою посылаютъ обыкновенно въ полдень. Бѣдныя уводятъ своихъ женъ ночью, и тогда гостей не бываетъ.

На богатыхъ свадьбахъ собираются родственницы и знакомыя новобрачнаго, надѣваютъ на себя безчисленное количество всякихъ украшеній, сшиваютъ изъ разныхъ цвѣтныхъ лоскутковъ покрывала для верблюдовъ, усаживаются на нихъ по нѣскольку лицъ и поѣздъ двигается.

Мужчины дѣлятся на двѣ группы: одни идутъ пѣшкомъ, сопровождая женщинъ, другіе, верхомъ на лошадяхъ, вооруженные будто на войну, ѣдутъ нѣсколько впереди поѣзда. Подъѣзжая къ шатру невѣсты, они пускаются во всю прыть, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ и выдѣлываютъ всевозможныя эволюціи.

Въ невѣстиномъ шатрѣ начинаются переговоры и длится около часа, причемъ завязывается споръ между родными невѣсты и пришедшими. Невѣста упирается, дѣлаетъ видъ, что не хочетъ выходить; но ее кладутъ на коверъ; нѣсколько человѣкъ берутъ въ руки углы ковра и бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ остались верблюды.

Верховые прикрываютъ бѣгущихъ, стрѣляя на воздухъ въ ту сторону, откуда родственники невѣсты преслѣдуютъ ихъ комками грязи. Принужденные прикрываться, похитители не рѣдко чоняютъ коверъ съ невѣстою, или падаютъ сами.

Какъ скоро похитители достигли того мѣста, гдѣ остались

верблюды, то преслѣдованіе прекращается. Невѣсту снимаютъ съ ковра, оправляютъ на ней одежду, на голову надѣваютъ покрывало, изъ подъ котораго видны только глаза, да носъ.

Поставленная въ первомъ ряду, между ближайшими родственниками жениха, молодая дѣвушка идетъ во главѣ шествія. Она держится прямо, не дѣлая ни какихъ движеній; проходя мимо шатровъ, сопровождающія ее женщины приподнимаютъ на ней покрывало, чтобы удивлѣть любопытству зрительницъ.

Невѣсту подводятъ къ жилищу жениха съ крикомъ и ружейными выстрѣлами. Когда она находится уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шатра, передъ ней бросаютъ пригоршни жаренаго тѣста. Дѣти съ оглушительными криками набрасываются на него.

Во время этой толкотни женщины вводятъ невѣсту въ шатеръ, и ставятъ ее посрединѣ, спиною ко входу. Всѣ сосѣдки ходятъ поочередно посмотреть на нее и поздравить. Мужчинамъ входъ запрещенъ. Вечеромъ, по обыкновенію, всѣ пьютъ чай, курятъ и слушаютъ музыку.

Первыя двѣ недѣли молодая сидитъ въ своемъ уголкѣ, занимаясь какимъ нибудь рукодѣльемъ, постоянно окруженная родственницами и знакомыми мужа. Тутъ уже и мужчины получаютъ дозволеніе посѣщать ее.

Потомъ ее отводятъ обратно къ ея роднымъ, гдѣ она гоститъ около года, занимаясь и тутъ разными работами для своего новаго хозяйства. Мужу дозволяется украдкой посѣщать ее отъ времени до времени.

Родители отвѣчаютъ за поведеніе своей дочери въ это время. По истеченіи срока, мужчины родные снова берутъ ее отъ родителей. На этотъ разъ она ѣдетъ уже на верблюдѣ, и окончательно поселяется въ домѣ своего мужа. По этому поводу устраивается опять пирушка, но уже чисто семейная.

У бѣдныхъ пребываніе у родителей не продолжается такъ долго, исключая тѣхъ случаевъ, когда они удерживаютъ свою дочь въ обезпеченіе выкупа, если сумма внесена не вдругъ. Когда же родные видятъ, что женихъ уже очень долго не выплачиваетъ недостающей суммы, то они могутъ отдать дочь другому. Но если женихъ удастся бѣжать и достигнуть шатра своего мужа, то родные не имѣютъ права требовать ее обратно.

Туркменцы, какъ и всѣ мусульмане, могутъ имѣть столько женъ, сколько позволяютъ ихъ средства. Для каждой жены долженъ быть особый шатеръ, но у туркменцевъ часто по двѣ жены живутъ въ одномъ шатрѣ.

Нужно проникнуть во внутреннюю жизнь этихъ племенъ, чтобы понять, какия страданія ревность заставляетъ испытывать этихъ несчастныхъ женщинъ, неразвитыхъ, но не лишенныхъ чувствъ.

Для родильницъ дѣлаютъ изъ песку постель, а у дверей шатра ставятъ человѣка, чтобы никто туда не впускать. Ст

держитъ на готовѣ ружье и, по данному знаку, стрѣляетъ, потому что у туркменцевъ есть повѣрье, что выстрѣлъ облегчаетъ роды.

Когда въ домѣ случится покойникъ, то его тѣло обмываютъ, очищаютъ по мусульманскому обычаю, потомъ кладутъ на коверъ, посреди шатра, а семья покойника окружаетъ тѣло и испускаетъ отъ времени до времени продолжительные вопли. Мужчины вопятъ внѣ шатра. Всякій разъ, какъ являются новые посѣтителы, женщины, находящіяся при тѣлѣ, всхлипываютъ и исчисляють достоинства покойника. Мужчины съ улицы вторятъ имъ протяжными вздохами, и все время стоятъ, опустивъ голову и закрывъ лицо руками, или полою платя.

Исполнивъ этотъ обрядъ, всѣ принимаютъ обычное положеніе и выраженіе лица, и тогда уже предлагаютъ посѣтителѣмъ трубку, чай, и шаруэ (похлебку).

На кладбище сопровождаютъ покойника одни мужчины. На могилѣ, вмѣсто памятника, ставятъ длинный шестъ, увѣшанный разноцвѣтными лоскутьями.

(Искусства.— Музыка.— Медицина.— Праздники.)

Искусство и промышленность не слишкомъ развиты у туркменцевъ; впрочемъ, всѣ земледѣльческія орудія, платья, обувь, украшенія, они дѣлаютъ для себя сами; разумѣется, что работа эта очень груба.)

Почти всѣ туркменцы поютъ и играютъ на дутарѣ (двухструнный инструментъ) и до того любятъ музыку, что когда въ какомъ нибудь шатрѣ слышны звуки дутары, то сосѣди собираются къ ней толпами; и тѣ, кому въ шатрѣ уже недостаетъ мѣста, помѣщаются снаружи, и до тѣхъ поръ не отходятъ, пока не кончится музыка, даже въ самый сильный холодъ.)

(Музыка и пѣніе сопровождаются различными гримасами, жестами и невѣроятными кривляньями.)

Туркменцы часто спрашивали меня, также ли хорошо и съ такою ли граціею поютъ въ моемъ отечествѣ? Я принужденъ былъ отвѣчать, что нѣтъ. Это льстило имъ и они принимались критиковать персіянъ, которые, по ихъ мнѣнію, поютъ очень дурно.)

Самое почетное лицо у туркменцевъ—бараги (музыкантъ по профессіи); онъ держитъ себя развязнѣе другихъ. Борода у него тщательно расчесана, или же причудливо выщипана, костюмъ его чище и изысканнѣе, его тальбакъ или головной уборъ, устроенъ по послѣдней модѣ, сапоги тоньше, чѣмъ у другихъ. Куда бы онъ ни пришелъ, вездѣ ему отличный пріемъ, вездѣ ему уступаютъ первое мѣсто: первому подаютъ чай, трубку. Словомъ, онъ душа общества.

Несмотря на то, что онъ получаетъ хорошую плату, онъ еще не рѣдко заставляетъ упрашивать себя. Когда въ немъ имѣють

нужду, то два или три человѣка ѣдутъ верхомъ просить его сдѣлать честь пожаловать къ нимъ на вечеръ. Ему подають лошадь и увозять его, стараясь дать ему почувствовать, что онъ получить подарокъ, достойный его таланта. У баяги непременно находится какое нибудь дѣло: ему нужно повидаться съ кѣмъ нибудь изъ гостей, и онъ цѣлый часъ заставляетъ себя дожидаться къ обѣду. Послѣ обѣда онъ жалуется на нездоровье: ему надо отдохнуть. И гости, и хозяева ухаживаютъ за нимъ дѣлають ему самого сладкаго и самого крѣпкаго чая, и томи-тельно ожидаютъ минуты его пробужденія.

Выспавшись, онъ становится милостивѣе и заставляетъ помогать себѣ въ устройствѣ инструмента. Потомъ баяги еще нѣсколько времени съигрывается съ другимъ музыкантомъ, который долженъ ему аккомпанировать. Наконецъ оба музыканта усаживаются другъ противъ друга и начинается концертъ. Слушатели въ восторгѣ и, едва дождавшись конца куплета, начинаютъ хлопать, кричать «браво!» Всякій непрерывно спѣшитъ подать баяги трубку и чай. Музыканты воодушевляются болѣе и болѣе; теперь они уже не останавливаются, и слушатели принуждены ловить минуты перерыва, чтобы поднести къ ихъ губамъ чашку чаю и чилимъ. Музыка часто длится до разсвѣта. Предъ концомъ музыканты притворяются совершенно изнуренными. Пѣвецъ поетъ уже только губами, почти безъ звуковъ, жестами показывая, что не можетъ болѣе пѣть. Тогда хозяинъ подноситъ вознагражденіе, а гости прибавляютъ что нибудь отъ себя. Если баяги не удовлетворенъ, то онъ говоритъ, что не перестанетъ пѣть до восхожденія солнца. Хозяинъ понимаетъ, что это значитъ, и платитъ щедрѣе, иначе въ сосѣдствѣ стали бы говорить: «такой-то призвалъ музыкантовъ и не платитъ имъ». Музыкантъ, забывъ свое опьяненіе и усталость, преспокойно беретъ деньги и, поблагодаривъ всѣхъ, ложится гдѣ нибудь въ углу, или идетъ спать домой.

Такую щедрость туркменцы выказываютъ къ одному баяги. Почти всѣ баяги очень богаты, но, иногда и разбогатѣвъ, они продолжаютъ пѣть изъ любви къ своему искусству.

Сказочники то же пользуются большимъ уваженіемъ, хотя и меньшимъ сравнительно съ баяги. Они декламируютъ стихи хивинскіе и бухарскіе, аккомпанируя себѣ на дутарѣ, или рассказываютъ о побѣдахъ туркменцевъ надъ персіянами.

Танцевъ у туркменцевъ вовсе нѣтъ.

Послѣ музыки любимое препровожденіе времени у нихъ игра въ шахматы. Шахматною доскою у нихъ служитъ простой кусокъ бѣлаго полотна, на которомъ начертаны четырехъ угольники; эту игру они берутъ съ собою, даже отправляясь на грабежѣ.

Врачей у туркменцевъ мало, да и тѣ, которые есть, очень плохи. Всѣ свои медикаменты они приобрѣтають отъ евреевъ. Туркменцы вообще болѣе вѣрятъ своимъ амулетамъ и стихамъ корана, нежели этимъ врачамъ.

344

Даже кровь они не умѣютъ пускать, какъ слѣдуетъ. У меня заболѣли глаза; мнѣ стоило величайшаго труда уговорить туркменцевъ пустить мнѣ кровь, во первыхъ, потому что они боялись, какъ бы я не изощелъ кровью и не умеръ, а тогда они не получили бы выкупа, а во вторыхъ потому, что они не привыкли пускать кровь изъ руки, а пускаютъ ее изъ головы. Когда, наконецъ, мнѣ удалось убѣдить ихъ, то джерихъ (врачъ) сдѣлалъ мнѣ операцію, но такъ удачно, что я цѣлый мѣсяцъ не могъ согнуть рукъ. Впрочемъ, я долженъ признаться, что мазь, которую я по ихъ совѣту помазалъ себѣ вѣки, помогла мнѣ.

Привычка лежать на голой землѣ, даже тогда, когда шатеръ наполненъ водою, причиняетъ сильные ревматизмы, отъ которыхъ всѣ болѣе или менѣе страдаютъ. Одно изъ обыкновенныхъ занятій женщинъ состоитъ въ томъ, чтобы гладить члены своему мужу. Почувствовавъ боль, онъ ложится на спинѣ и заставляетъ жену и дѣтей по цѣлому часу растирать себѣ тѣло.

По случаю разныхъ празднествъ, родинъ, свадебъ, новоселья, у туркменцевъ устраиваются, какъ я говорилъ, скачка, борьба, и проч.

Во время борьбы всегда председательствуетъ старшій изъ присутствующихъ. Председатель выбираетъ равносильныхъ борцовъ. Они схватываютъ другъ друга такъ, что обѣ руки каждаго изъ нихъ могутъ соединиться на спинѣ другого. Побѣдитель получаетъ отъ президента кусокъ бѣлой или цвѣтной матеріи, величиною въ носовой платокъ и держитъ этотъ трофей въ рукѣ, или затыкаетъ за поясъ, возвращаясь домой. Борецъ, побѣдившій многихъ противниковъ, провозглашается «рехлуваномъ», титулъ остающийся за нимъ на всю жизнь.

Лошади. — Войны. — Сердарь. — Грабежъ.

Туркменцы никогда не надрываютъ своихъ лошадей: они сидятъ въ сѣдлѣ нѣсколько наискось, держась почти на однихъ стременахъ. Они приучаютъ лошадей быстро поворачивать въ галопъ; но достигаютъ этого искусства, не разъ свалившись съ лошади. Туркменецъ страстно любитъ свою лошадь; онъ можно сказать ревнуетъ ее. Я видѣлъ, какъ одинъ тяжело раненый туркменецъ, упавшій съ лошади, тащился за нею, чтобы подрѣзать ей поджилки, предпочитая лучше потерять ее, нежели отдать въ руки непріятеля.

Лошади, да и вообще весь скотъ, стоитъ на открытомъ воздухѣ вблизи шатра; только на зиму для него иногда вырываютъ ровъ, чѣмъ нибудь прикрытый и довольно глубокий; лошадямъ сверхъ того шьютъ изъ войлока длинныя попоны, на голову имъ также надѣваютъ особый капюшонъ, а нѣкоторые хозяева дѣлаютъ для нихъ земляные окопы.

Отправляясь на войну, туркменецъ беретъ съ собою только

*

самое необходимое для себя и для своей лошади, стараясь вездѣ, гдѣ можно, пускать ее на траву.

Обыкновенное вооруженіе туркменца ружье, висащее у него за плечомъ, пистолетъ, заткнутый за поясомъ, и сабля. Пѣхота вооружена очень легко.

Въ войнѣ туркменцы не имѣютъ общаго обдуманнаго плана, но, благодаря природной смысленности, они не подвергаютъ себя бесполезной опасности, избѣгаютъ сраженій, насколько возможно, и стараются дѣйствовать на непріятеля утомленіемъ и засадами. Когда имъ приходится отражать нападеніе или защищать позицію, тогда они испускаютъ оглушительный крикъ и поднимаютъ страшную пыль въ воздухъ и двигаются, какъ за облакомъ. Поэтому часто считаютъ ихъ многочисленнѣе, чѣмъ они есть. Этотъ маневръ имъ часто удается съ персіянами.

Туркменцы, независимо отъ кедуды, выбираютъ себѣ военнаго начальника—сердаря, и повинуются ему во время войны.

Сердаремъ можетъ быть всякій человѣкъ, хотя бы онъ былъ выбранъ только десятью человѣками. Храбрость и искусство нѣкоторыхъ сердарей доставляютъ имъ громкую извѣстность.

Вотъ какъ составляется экспедиція у туркменцевъ. Какойнибудь сердарь повѣщаетъ черезъ глашатаго, что онъ идетъ на добычу и назначаетъ въ условленномъ мѣстѣ сборъ желающихъ за нимъ слѣдовать. И, смотря по репутаціи сердаря, вокругъ него собирается болѣе, или менѣе воиновъ. Въ назначенный часъ всѣ пускаются въ путь вслѣдъ за сердаремъ, не зная ни его плановъ, ни того куда онъ ведетъ. Онъ объявляетъ только кому что дѣлать, и всѣ точно выполняютъ это распоряженіе, будь это нападеніе на какое нибудь селеніе, на караванъ, или на стадо. Во время своихъ набѣговъ туркменцы уносятъ и увозятъ все, что могутъ, а чего они не могутъ взять съ собою, то они рѣжутъ и истребляютъ. Сердарь получаетъ большую, сравнительно съ другими, часть добычи. Если за какую нибудь вещь поднимается споръ, то ее продаютъ, а вырученные деньги дѣлятъ между собой. Возвращаясь съ добычи, мародеры непременно кричатъ «ура!» и дѣлаютъ залпъ изъ ружей. Родные и друзья идутъ къ нимъ на встрѣчу. Убитыхъ оплакиваютъ по вышеприведенному способу. Не проходитъ недѣли безъ проводовъ, или встрѣчъ. Рѣдко туркменцы *возвращаются безъ добычи.*

Земледѣлье.—Произведенія.—Климатъ.

Земледѣліе у туркменцевъ требуетъ ежегоднаго орошенія; большаго труда не требуетъ ихъ рыхлая почва. Въ соху впрягаютъ по двѣ лошади, покрытыя попонами. Одинъ человѣкъ управляетъ сохою, другой ведетъ подъ усты лошадей.

Туркменцы сѣютъ рожь, ячмень, просо. Для хлѣба и для со-

Другія произведенія слѣдующія: куркуруза въ незначительномъ количествѣ, морковь, лукъ, перецъ, бобы, очень мелкіе и твердые, употребляемые у туркменцевъ на охотѣ вмѣсто пуля; громадные и чрезвычайно вкусные арбузы; дыни различныхъ сортовъ, тыквы; тыквы служатъ также посудой.

Скота, относительно, очень мало. Стадо состоитъ изъ ко-
ровъ, козъ, овецъ и верблюдовъ, которые пасутся преимуще-
ственно около болотъ. Изъ верблюжьей шерсти женщины ткутъ
плотныя и тонкія ткани, которыя очень нравятся персіянамъ.
Краски онѣ покупаютъ у бухарцевъ.

Мѣдныхъ денегъ не существуетъ у туркменцевъ: мелкія покупки производятся на обмѣнъ.

Климатъ почти во всемъ Туркестанѣ одинаковъ: весною выпадаетъ много дождя и бываютъ сильныя бури, — лѣтомъ довольно сильныя жары, къ концу осени и въ началѣ зимы безпрестанные туманы и дожди. Снѣгъ лежитъ не болѣе мѣсяца. Самый сильный вѣтеръ дуетъ въ особенности весною и осенью. Восточный вѣтеръ, чрезвычайно сильный лѣтомъ, приноситъ нестерпимый жаръ. Въ сосѣднихъ песчаныхъ степяхъ этотъ вѣтеръ сдуваетъ песокъ и вокругъ всякаго растенія образуетъ наносы.

Однако посреди этихъ песчаныхъ равнинъ лежатъ полосы годной земли, поросшей кустарникомъ, успѣвшимъ пустить довольно глубокіе корни, такъ что они имѣютъ въ себѣ достаточно силы, выдерживать жаръ и засуху.

Берега Мургабы покрыты растениями, тростникомъ и низкими кустарникомъ, который служить туркменца имъ топливомъ. Въ этихъ кустахъ скрывается много дичи и хищныхъ звѣрей: шакалы, кабаны. Въ рѣкахъ много рыбы, но туркменцы питаются отвращеніе къ рыбной пищѣ.

Продолженіе моего плѣна. — Попытка бѣжать. — Новые переговоры. — Мой
выкупъ.

Изъ Мемеда не приходило никакихъ извѣстій, я дѣлалъ видъ, что не имѣю никакого желанія толковать съ туркменцами о мо-

размер расходу

емъ выкупѣ, надѣясь этимъ способомъ утомить ихъ ожиданія. Дѣйствительно, мои хозяева сдѣлались не столь требовательны; они съ безпокойствомъ говорили другъ другу: «что если мы обманулись, если этотъ европеецъ умретъ, вѣдь мы пожалуй ничего не получимъ? Уже лучше поскорѣе покончить съ нимъ».

Они предложили мнѣ войти въ сношеніе съ моими друзьями; но я сказалъ, что, давно не получая ни отъ кого писемъ, я не знаю самъ, какою суммою могу располагать для моего выкупа. Они сами вызвались послать въ Мешедъ моего слугу, котораго они нарочно выкупили, чтобъ перепродать мнѣ.

Я принялъ это предложеніе.

Между тѣмъ, не дожидая возвращенія посланнаго, мой ала поручилъ хлопотать о моемъ выкупѣ персидскимъ купцамъ. Эти купцы вообразили, что мое дѣло можетъ принести имъ большую выгоду; но для этого нужно было, чтобы сумма выкупа была велика, и они начали возвышать мое значеніе въ глазахъ моихъ хозяевъ. Они написали, что въ Мешедѣ европейцы сильно хлопотуютъ о моемъ выкупѣ и что самъ шахъ далъ повелѣніе выкупить меня. Письмо это, пущенное въ ходъ однимъ персидскимъ купцомъ, читалось и перечитывалось въ моемъ присутствіи. Мои туркменцы стали опять неимоверно повышать свои требованія. Вслѣдствіе этого, цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ переговорахъ, а персидское правительство, видя, что приходится заплатить значительную сумму и возиться съ плутами, перестало вовсе заниматься мною. Тогда, потерявъ надежду на скорый исходъ дѣла, я рѣшился на бѣгство.

Меня стерегли день и ночь. Лошади, стоявшіе близъ моего шатра, были постоянно слутаны. Хуже всего было то, что ни одинъ туркменецъ не взялся бы искренно помогать моему дѣлу.

Нѣтъ ничего легче, найти между туркменцами такого человѣка, который взялся бы за деньги быть чѣмъ угодно сообщникомъ; но зато во время бѣгства, пройдя извѣстное разстояніе, этотъ сообщникъ, пропустивъ подъ какимъ нибудь предлогомъ бѣглеца впередъ, и застрѣливъ или зарѣзавъ его, ограбить и преспокойно вернется домой.

Если бѣглецъ настолько разуменъ, что не дастъ ему денегъ впередъ, то онъ дѣйствительно проведетъ его, но только не туда, куда желаетъ плѣнникъ, а къ какому нибудь туркменскому же племени и тамъ скроетъ жертву своего обмана, до тѣхъ поръ, пока не придетъ глашатай сирашивать, не увидать ли кто плѣнника, съ такими то и такими то примѣтами, бѣжавшаго тогда то. Тогда нашъ туркменецъ объявляетъ, что онъ знаетъ, гдѣ найти пленника и укажетъ его за вознагражденіе. И дѣйствительно, за деньги онъ выдастъ бѣглеца, котораго возвращаютъ прежнимъ хозяевамъ, а тѣ надѣваются на него оковы, а на ноги колодки.

Послѣ нѣсколькихъ тайныхъ розысканій я нашелъ наконецъ

одного бухарскаго купца, который за условленную сумму взялся помочь мнѣ бѣжать. Онъ купилъ мнѣ лошадь, и уговаривалъ меня потерпѣть недѣли три, до приѣзда его товарища, который долженъ былъ сопровождать меня.

Я догадывался, что мои бухарцы имѣли намѣреніе спроводить меня въ Бухару, гдѣ стали бы требовать съ меня такой же выкупъ, какой требовали текеевцы. Но мнѣ хотѣлось только имѣть подъ собою лошадь; разъ выбравшись изъ Туркестана, я надѣялся, такъ или иначе, отдѣлаться отъ своего провожатаго, переправиться во что бы то ни стало на лѣвый берегъ Мургабы и достигнуть Афганистана.

А пока я старался приобрести довѣріе сторожей и выучилъ ихъ играть въ новую игру и вечеромъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ игры, я вставалъ и уходилъ. Сначала за мною слѣдили, потомъ перестали обращать вниманіе на мои отлучки.

Всѣ предосторожности были мною приняты и мнѣ оставалось ждать не болѣе недѣли. Вдругъ ко мнѣ явился тайный посланный отъ Юсуфъ-хана, персидскаго генерала, предводителя афгарскаго племени, находившагося какъ и я въ плѣну у топозовъ (также туркменцевъ). Посланный сказалъ мнѣ, что ему поручено правительствомъ Хорасана покончить мое дѣло, что мнѣ болѣе не очемъ беспокоиться, потому что онъ уже устроить все дѣло. Онъ прибавилъ, что деньги за мой выкупъ уже отправлены въ Сараксъ.

Переговоры, дѣйствительно, начались черезъ агента Юсуфъ-хана Абдалъ-сердаря, и продолжались недѣлю.

Въ серединѣ ноября отправили троихъ золожниковъ въ обезпеченіе моего выкупа, между прочимъ, брата Абдалъ-сердаря, агъ-Юсуфъ-хана, въ Сараксъ.

Мой выкупъ вмѣстѣ съ разными расходами обошелся въ 87,224 франка. Нѣсколько туркменцевъ цѣлый день считали деньги. Но кромѣ денегъ за меня должны были возвратить пятерыхъ туркменскихъ плѣнныхъ, тотчасъ по приѣздѣ въ Сараксъ.

Когда дѣло было кончено, намъ сдѣлали прощальный ужинъ. Почти всѣ сосѣди провожали меня. Нѣкто Мехмедъ-Овегъ-Рехлованъ, дядя моихъ хозяевъ, старшій въ семействѣ, сказалъ мнѣ прощальную рѣчь на полутурецкомъ, полуперсидскомъ нарѣчій.

«Правда ты страдалъ, но, подумай, вѣдь мы должны обращаться сурово съ нашими плѣнными. Если бы мы продали тебя въ другія руки, то съ тобою обращались бы, быть можетъ, еще суровѣе. Мы сами терпѣли нужду, и ты долженъ былъ дѣлиться ею съ нами. Ты былъ не правъ, скрывая отъ насъ свое положеніе; мы всегда знали, что персидское правительство выкупитъ тебя. Забудь же все, я желаю тебѣ поскорѣе увидѣть твое отечество. Аллахъ-акберъ.»

Послѣ этихъ словъ мы разошлись.

Вскорѣ я прибылъ къ Юсуфъ-хану, котораго отблагодарилъ за его помощь. Я забылъ уже свои прошедшія страданія, вспо-

миная, что скоро оставлю эти безконечныя, какъ море, однообразныя равнины.

Поѣздка въ Сараксъ. — Мехмедъ-шейхъ. — Возвращеніе въ Тегеранъ.

Я нѣсколько дней прожилъ у топозовъ. Три партіи туркменцевъ, изъ которыхъ одной начальствовалъ Мехмедъ-шейхъ, собирались идти на грабежъ въ Хорасанъ и въ Геру, а потому боялись, чтобы мы не разгласили эту новость, и чтобы тамъ не приняли мѣръ предосторожности.

Наконецъ въ день съ хорошимъ предзнаменованіемъ, мы пустились въ путь. Мой конвой состоялъ изъ сорока пяти человѣкъ, подъ начальствомъ Абдалъ-сердаря; и, вечеромъ 5 декабря, мы увидѣли крѣпость Сараксъ.

Два человѣка отправились впередъ, чтобы предупредить губернатора, потому что въ этой крѣпости непременно стрѣляютъ по всякому человѣку, показывающемуся на горизонтѣ. Мы же отправились ожидать ихъ возвращенія въ развалины Урлу-Баба. Возвратившись, сердаръ о чемъ-то шопотомъ сталъ разговаривать съ своимъ. Тонъ его не предвѣщалъ для меня ничего хорошаго. И, дѣйствительно, онъ сказалъ мнѣ, что обѣщанныхъ за меня туркменскихъ плѣнныхъ не было въ Сараксѣ, что онъ, будучи отвѣтственъ передъ туркменцами, боится довѣрять на слово персіянамъ, и потому долженъ отвезти меня обратно въ Туркестанъ.

Я притворился равнодушнымъ и сказалъ, чтобы онъ дѣлалъ какъ знаетъ. Весь день прошелъ въ переговоры съ Сараксомъ. Вечеромъ я услыхалъ, что туркменцы говорили про меня между собой. «Возвращаться назадъ опасно, кто знаетъ, что можетъ случиться? Если дорогою нападетъ непріятель, и онъ будетъ убитъ, то что будетъ съ заложниками?»

На другой день Абдалъ взялъ съ меня честное слово, что туркменскіе плѣнные будутъ возвращены, и, на этомъ условіи, рѣшился ввести меня въ крѣпость.

Черезъ часъ мы были въ стѣнахъ Саракса, и я сдѣлался свободенъ послѣ 14 мѣсячнаго плѣна. Стараясь скрыть мое волненіе, я благодарилъ всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно содѣйствовалъ моему освобожденію.

Вскорѣ пришелъ караванъ, привезшій туркменскихъ плѣнныхъ, которые тотчасъ же были переданы Абдалъ. Этотъ же караванъ привезъ извѣстіе о смерти Мехмедъ-шейха. Персіане, въ знакъ радости, стрѣляли по этому случаю изъ пушекъ, а туркменцы сильно опечалились. Всѣ тѣ, у кого не было дѣла въ Сараксѣ, просили правительство отпустить ихъ поскорѣе.

Этотъ Мехмедъ-шейхъ пользовался у своихъ не только уваженіемъ, но истиннымъ обожаніемъ, какъ настоящій герой. Это былъ уже 60 лѣтній старикъ, обладавшій рѣдкимъ талантомъ и необыкновеннымъ счастьемъ, 40 лѣтъ занимавшійся грабежомъ,

и бывший сердаремъ. Окруженный персіянами, раненый, онъ не переставалъ командовать и, наконецъ, былъ убитъ пулею въ голову. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, послѣдніе тридцать человѣкъ изъ всадниковъ должны были сдаться персіянамъ, которыхъ было человѣкъ 500. Побѣдители привезли въ крѣпость плѣнныхъ, головы убитыхъ и руку Мехмеда-шейха.

18 декабря я отправился въ Мехмедъ, съ караваномъ охраняемымъ сотнею всадниковъ и двумя пушками, а оттуда въ концѣ января двинулся въ Тегеранъ.

Приближаясь къ Тегерану, я увидѣлъ моихъ европейскихъ друзей, вышедшихъ мнѣ на встрѣчу и въ сопровожденіи ихъ я въѣхалъ въ городъ. Мы оставили караванъ за собою; онъ пришелъ только на другой день и привезъ съ собою туркменскихъ плѣнныхъ, товарищей Мехмеда. Головы убитыхъ, воткнутыя на пики, пронесли черезъ весь городъ, какъ трофей, при громкихъ крикахъ народа. Шествіе остановилось около городскихъ воротъ, гдѣ плѣнныхъ привязали за руки къ кольямъ, битымъ въ стѣну.

Почти всѣ горожане собрались насладиться зрѣлищемъ казни своихъ враговъ. Туркменцы шли на смерть съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и достоинствомъ, не выказывая ни малѣйшаго волненія. Тѣ, кто сильнѣе несли, на плечахъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые истощенные потою крови не могли двигаться. Исполнители казни комѣстились какъ можно далѣе отъ своихъ жертвъ, чтобы продлить подолѣе эту стрѣльбу въ плѣ. Только настояніемъ европейскихъ офицеровъ, стоявшихъ тамъ по обязанности службы, они принуждены были стать по ближе. Ни одного крика, ни одного стога не было слышно во все время казни. Двое или трое изъ плѣнниковъ, у которыхъ пулею оборвало веревки, отошли отъ стѣны, сѣли по ближе къ персіянамъ и спокойно ожидали смерти. По окончаніи казни, горожане бросились на жертвы и изрубили въ куски, трупы, въ которыхъ еще были замѣтны слабые признаки жизни.